№ 1 (33) 2021
ISSN 2305-8838

НОПриЛ NAAL

Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научно-исследовательский журнал

№ 1 (33)

МОСКВА
2021

УДК 81’33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:
д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:
д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:
Ph.D. М.Н. Дубинина
(ГСГУ, г. Коломна)

Редакционная коллегия:
д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)
к.культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)
д.филол.н., доцент Т.В. Ивченко (РГГУ, г. Москва)
д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)
д.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)
к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Л.В. Полубиченко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
Robert Ilson (University College London)
Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)
профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2021 – 98 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.
Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 01.03.21. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
Курочкина Н.В., Сидорова Н.А. Возможности реализации языковой личности в системе политической коммуникации	7
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Чепорухина М.Г., Лыкова Н.Н. Культура речи и дисфемизмы в комментариях к политическим статьям	15
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИЯ	
Кузьменкова Ю.Б., Ерыкина М.А. Обучающая драма на иностранном языке как специальный жанр	23
ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	
Михайловская М.В. К вопросу о роли переводческой записи в устном последовательном переводе	34

РУСИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Егорова О.А. Гастрономические традиции в русских народных сказках: из прошлого в настоящее	43
Орлянская Т.Г. Специфика РКИ в Японии	52
СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА	
Беляева Т.Р. Атрибутивное существительное во множественном числе в многокомпонентных синтагмах английской научной речи	57
Варова В.В. Политическая неординарность: стилистические средства создания образа политика современности (на примере материалов Всемирного экономического форума в Давосе 2020 года)	72
Хомутская Н.И. Особенности креолизованного текста	85
Список авторов	92

CONTENTS

COGNITIVE LINGUISTICS STUDIES	
E. Kurochkina, N. Sidorova Possibilities of language personality realization in the system of political communication	7
LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY	
M. Cheporukhina, N. Lykova Speech culture and dysphemisms in commentaries to political articles	15
THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY	
J. Kuzmenkova, M. Erykina FLT drama as a special linguodidactic genre	23
TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES	
M. Mikhailovskaia The pivotal role of note-taking in consecutive interpreting	34
RUSSIAN STUDIES IN THE MODERN WORLD	
O. Egorova Gastronomic traditions in Russian folk tales: from the past to the present	43
T. Orlyanskaya Specific Nature of Russian as a Foreign Language in Japan	52

STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS	
T. Beliaeva The plural attributive noun in multi-component syntagms in english scientific discourse	57
V. Varova Political originality: stylistic means of contemporary politician image creating (by example of the World Economic Forum in Davos 2020)	72
N. Khomutskaya Peculiarities of creolized text	85
List of authors	92

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 008

Курочкина Елена Владимировна
Elena Kurochkina
Сидорова Наталья Анатольевна
Natalya Sidorova

Возможности реализации языковой личности в системе политической коммуникации

Possibilities of Language Personality Realization in the System of Political Communication

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей и возможностей реализации языковой личностью своего потенциала в условиях политической коммуникации. При этом учитывается аспект избранности типа языковой личности адресата коммуникации, ее совокупно - индивидуальный характер. Созданные первым коммуникантом тексты являют собой модели для воздействия через массы на индивидуальную языковую личность. В заключении авторы выводят возможные способы реализации языковой личности в ситуации политической коммуникации.

Ключевые слова: языковая личность, политическая коммуникация, реализация, условия, тексты, коммуникант, адресат

Abstract. The article is devoted to the features and possibilities study of the language personality potential realizing in the political communication context. It considers to be the aspect of choosing the language personality type as the addressee of communication, its collective - individual nature. The texts created by the first communicant are models for influencing the individual language personality through the masses. In conclusion, the authors deduce possible ways to implement the language personality in the situation of language personality.

Keywords: language personality, language personality, realizing, context, texts, communicant, addressee

Исследования языковой личности в лингвистике ведутся уже не один десяток лет, а внимание ученых к языковой личности в системе политической коммуникации особенно пристально обращено с начала 21 века, который отмечен большими изменениями в расстановке политических сил на мировой арене, изменениями в экономических и общественных отношениях в ряде стран. Кроме того, следует отметить всемирный охват жителей земли паутиной сети интернет, которая, с одной стороны,

облегчает возможность коммуникации во всех сферах человеческой жизни, особенно в политической. С другой стороны, осложняет естественное речевое взаимодействие, в связи с этим, и возможности для полноценной реализации языковой личности своих потенциальных возможностей, поскольку коммуникант зачастую находится в нереальных или вымышленных мирах, которые предлагают условия интернет – коммуникации, как пишет профессор М.А. Пильгун, «цифровое пространство накладывает дополнительные специфические модусы на конкретную коммуникативную ситуацию» [Пильгун М.А. 2019, 105]. Особенно остро в связи с этим стоит вопрос о политической коммуникации, поскольку она реализуется в политических текстах различного типа при сопряжении деятельностей характерных коммуникантов. Поскольку сам термин политическая коммуникация предполагает, пользуясь метким определением А.Н. Баранова, «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов А.Н. 2013, 263], исследование языковых личностей коммуникантов, их роли в реальности политической коммуникации представляет значительный интерес.

Само понятие «личность» является ключевым для понимания феномена языковой личности и представлено в разных областях гуманитарного знания. Известно, что в педагогике под личностью понимают индивида, рассматриваемого со стороны психолого-социальной сущности, для которого характерно развитие психики, способность к активному мышлению, способность к усвоению социального опыта. Личность в философии – это человеческий индивид в аспекте его социальных качеств, формирующихся в процессе исторически конкретных видов деятельности и общественных отношений. В социологии и политологии личность – это человек как субъект отношений и сознательной деятельности, а также как стойкая система социально значимых черт, которые характеризуют индивида как члена общества. В психологии под личностью подразумевают системное социальное качество,

приобретаемое и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде.

Критерии оценки личности в политической коммуникации являют определенную проблему для политической лингвистики, что связано с наличием в данном понятии двух переплетающихся сторон. Во-первых, личность – продукт общественного развития, в данном случае развития общественных отношений в сфере политики. Она производна от среды политической действительности, т.к. формируется в ней, в ней преломляются многочисленные и противоречивые воздействия имущественных, профессиональных, групповых и социально-групповых, половых и возрастных, расовых и этнических, конфессиональных, территориальных и прочих отношений. Личность в политике есть всегда продукт своей эпохи, ее общественного сознания, психологии, культуры, системы ценностей, а также разрешений и запрещений. Она включена в систему политических ролевых функций, предписаний и ожиданий. Во-вторых, личность в политике не просто объект внешних воздействий, а активный участник общественной, трудовой и познавательной деятельности, субъект материального и духовного общения, который осознает свое место в мире людей и свое отношение к ним, их потребностям, мотивам и, соответственно, ценностям, интересам и целям, осознающий и самого себя, свое Я [Сусов, 1989, 9].

Структуру личности удобно представить условной схемой: общечеловеческие свойства (ощущения, восприятия, мышление, память, воля, эмоции) – социально-специфические черты (социальные установки, роли, ценностные ориентации) – индивидуально-неповторимые черты (темперамент, сочетание ролей, самосознание). Известно, что духовный мир личности опредмечивается в ее производственно-материальной деятельности, социально-значимых действиях, во внешних проявлениях характера, тем не менее наиболее доступным и возможным способом постижения личности, исследованием её реализации в политической коммуникации является исследование её языка, т.е. его воплощения в речи. Поэтому некоторые исследователи полагают возможным толковать языковую личность как личность, выраженную в языке.

Необходимо отметить, что такой подход таит в себе недостаточное обоснование исследуемого понятия. В данной трактовке неизбежно допущение, что, изучив фонетические, лексические, грамматические, стилистические и другие характеристики речи коммуниканта, можно говорить об исследовании особенностей языковой личности. Такое представление считается нами недостаточным, т.к. при описании и исследовании языковой личности в системе политической коммуникации мы полагаем необходимым проследить отражение мотивационной и концептуальной систем как первого коммуниканта (К1), так и второго (К2).

Современный деятельностный подход к языку обусловливает значительную интегрированность, комплексность исследования языка личности, так как язык в действии предусматривает подключение к анализу ряда факторов: психологических, ментальных, прагматических и др. Поэтому под языковой личностью вслед за Ю.Н. Карауловым и А.А. Леонтьевым понимается не только частный аспект личности вообще, один из ее коррелятов, хотя такой способ понимания языковой личности также возможен, а углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Кроме того, языковая личность является самым важным компонентом системы политической коммуникации, формой представления коммуниканта в сфере политики, детерминированной совокупностью ментальных, психических, эмоциональных, оценочных, прагматических и других определений. Все эти определения проявляются в языке личности и реконструируются в основных своих чертах на базе средств данного языка.

Указанная характеристика языковой личности Ю.Н. Карауловым приближает нас к постижению реальности ценностей в языковой личности: «Коль скоро объектом анализа становится языковая личность, интеллектуальные ее характеристики выдвигаются на первый план. Интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и через язык» [Караулов, 2010, 122].

На глубинном уровне языковой личности, прагматическом, располагаются ценности, мотивы личности,

потребности, и коммуникативно-деятельностные потребности в политической коммуникации являются его самой существенной составляющей, определяющей всю дальнейшие речевые действия языковой личности. Так если языковая личность К1, т.е. говорящего или автора текста, в рамках политической коммуникации имеет потребность убедить адресата в своих ценностях и когнитивных установках, в дальнейшем и побудить к совершению речевых и неречевых действий, то последующим шагом реализации такой личности будет являться мотив реализации этой потребности. Наиболее универсальным способом реализации языковой личности является политическая интерактивная реальность речевой коммуникации, в которой возможны как противоборство, как и сотрудничество.

Следующий пример наглядно демонстрирует коммуникативное взаимодействие участников политической при противоборстве содержательных аспектов высказывания:

- А, неутомимый следопыт!

- Давайте поговорим о деле! – данный диалог демонстрирует противоположные способы реализации языковых личностей: попытка К1 вести сотрудничество при имплицитно представленных ценностных предпочтениях формулировать адресату тексты определенного содержания. При этом К2 реализует свою языковую личность под влиянием текста адресанта в эксплицитном противоборстве, указывая, что в данном коммуникативной акте намерен не уклоняться от темы, а разобраться в текущем моменте, вплоть до использования тактики переключения референта.

Следующий уровень языковой личности соотносится с ее когнитивным потенциалом, интеллектуальным, предполагающим мыслительные процессы, выявляющие в политической коммуникации иерархию ценностей и смыслов личности, личные предпочтения и отношения. Единицами этого уровня можно считать «концепты, ценности, идеи, гештальты, которые находят свое выражение в обобщающих высказываниях, сентенциях, дефинициях, афоризмах, … из всего многообразия которых каждая языковая личность выбирает те, что соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают незыблемые для нее истины, отражающие

и определяющие ее ценностный мир, ее индивидуальный выбор» [Сидорова Н.А., 2011, 12]. В политической коммуникации концепты, ценности, смыслы языковой личности формируются под непрерывным воздействием динамично развивающихся текстов, содержащих сведения политического характера, экстралингвистической реальности, которая и становится той средой, в которой и неизбежно находится, и развивается языковая личность коммуниканта. При этом адресат политической коммуникации представляет собой совокупно – индивидуальную языковую личность, и воздействие К1 направлено эксплицитно на массового адресата, имплицитно же - на индивидуального реципиента. Созданные тексты будут являть собой модели сопряжения коммуникативных деятельностей К1 и К2 для воздействия через массы, т.е. совокупную языковую личность, на индивидуальную языковую личность.

Реализуются знания, тезаурус языковой личности в рамках вербально-семантического уровня на основе ситуативно обусловленной политической коммуникации. В этих условиях становится возможным исследование лексикона и грамматикона индивида, его логическая интерпретация событий и явлений через грамматические связи знаковых построений. Именно наблюдение за развитием данного уровня языковой личности помогает объяснить многие причины политических побед, или неудач, или, к примеру, конфликтов и даже войн.

In a brief statement on Sunday, Azerbaijan's defence ministry said, Armenian forces were shelling Ganja, a western Azerbaijani city lying to the north of Nagorno-Karabakh. Defence Minister Zakary Hasanov said this was a "clearly provocative" move that was expanding the conflict.

In a later statement, the defence ministry said: "The information spread by the Armenian side about the alleged shelling of military facilities in Ganja city is provocative and false." As a result of enemy fire, civilians, civilian infrastructure and ancient historical buildings were harmed." (https://www.bbc.com/news/world-europe-54407436)

В приведенных репликах реализована языковая личность министра обороны Азербайджана как обладающая определенными сведениями о ведущихся боевых действиях и

продолжающая вести информационную войну против Армении. Демонстрируя адресату политической коммуникации свои ценности, представления, намерения лексически и грамматически: a "clearly provocative", expanding the conflict; Armenian forces were shelling Ganja, as a result of enemy fire, civilians, civilian infrastructure and ancient historical buildings were harmed, коммуникант пытается вызвать неприязненное, даже враждебное отношение к противнику, создать положительное мнение о себе и своих ценностях и интересах

Бесспорно, адресатом коммуниканта является массовая аудитория, в которой воплощается совокупная языковая личность. Именно в информационной войне языковой личностью К1 выбираются все средства для воздействия, управления и регуляции языковой личностью К2 в своих собственных интересах с помощью формируемых текстов и адресации их реципиенту таким образом, чтобы через совокупную языковую личность воздействовать на индивидуальную. Как указывал профессор Е.В. Сидоров, «в современных исследованиях речевой коммуникации … содержание коммуникативного отношения между участниками речевого общения истолковывается как переживание отправителем необходимости знаковыми средствами управлять деятельностью другого в интересах собственной жизнедеятельности … по соотнесению своей речевой деятельности с представлением о различных свойствах адресата» [Сидоров Е.В., 2009, 59 - 60].

Таким образом, на основании проведенного исследования мы выделяем следующие возможности для реализации языковой личности в ситуации политической коммуникации: зависимость / независимость от коммуникативных политически обусловленных потребностей, актуализация сложившихся ценностных и концептуальных систем, представлений о политической реальности, переключение референта общения в системе противодействия или сотрудничества, регуляция вербального и неречевого поведения адресата, вплоть до блокирования его коммуникативных действий в своих собственных интересах, реализующиеся необходимыми знаковыми средствами языка в ситуации политической коммуникации.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: уч. пособие. Изд. 4-е и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРС Эдиториал, 2010.
3. Пильгун М.А. Трансформация семантических представлений и лексических ассоциаций: понятие «власть» // Филология и культура. - Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет. – 2019. 4 (58). - С. 100 – 107.
4. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: URSS, 2009.
5. Сидорова Н.А. Основы аксиолингвистической концепции речевой коммуникации: автореферат диссертации доктора филологических наук. – М.: ВУ, 2011.
6. Сусов, И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С. 9-15.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81.373.4

Чепорухина Мария Георгиевна
Mariia Cheporukhina
Лыкова Надежда Николаевна
Nadezhda Lykova

Культура речи и дисфемизмы в комментариях к политическим статьям

Speech Culture and Dysphemisms in Commentaries to Political Articles

Аннотация. В статье рассматриваются особенности выражения негативной оценки через дисфемизмы в русском и французском языках на материале интернет комментариев к политическим статьям о внутренней политике Франции и России и делается вывод о различном подходе к выражению собственного мнения в комментариях в сопоставляемых культурах.

Abstract. The article aims to distinguish and compare specific features of dysphemisms in Russian and French languages (examples taken from internet commentaries on newspaper articles about home politics). We attempt to understand users` attitude towards the concept of speech culture.

Ключевые слова: культура речи, негативная оценка, дисфемизм, дисфемистическое употребление

Key words: speech culture, negative assessment, dysphemism, dysphemistic use

Понятие культуры очень многогранно, и одной из его составляющих является культура речи. Этот термин широко используется в российской действительности, где он появился в 20-е годы XX в. Изначально культуру речи понимали только как правильность речи, однако знание и соблюдение языковой нормы не всегда достаточны для эффективности коммуникации. В 90-е годы XX в. было предложено более широкое понимание культуры речи как «такого выбора и организации языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [Граудина, Ширяев 2000, 13].

Культура речи как условие эффективности коммуникации исследуется в трудах многих российских лингвистов, в частности, Л.А. Введенской, Л.А. Вербицкой, И.Б. Голуб, Л.П. Крысина, А.В. Суперанской. Естественно, коммуникативные задачи напрямую зависят от ситуации общения и соотносятся с намерениями говорящего.

Нами были исследованы приемы выражения негативной оценки к наиболее комментируемым новостным статьям о внутренней политике Франции и России в газетах Le Figaro, Le Monde (10000 комментариев) и РИА Новости, Lenta.ru (9800 комментариев) за последние 3 года. Обращаем внимание на то, что комментарии с портала Lenta.ru удаляются через 24 часа после публикации новостной статьи. По причине удаления комментариев с новостных сайтов часть комментариев была взята нами с официальных страниц изданий в Instagram.

Намереваясь выразить негативное отношение к чему-либо, говорящий имеет в своем распоряжении целый арсенал языковых средств: от слов нейтрального и возвышенного стилей с компонентом негативной оценки, актуализованным только в исследуемом контексте [Allan, Burridge 2006, 32], до фамильярной и вульгарной лексики низкого регистра с ярко выраженным эмоциональным компонентом.

В последних исследованиях дисфемии были определены степени дисфемизации: «от издевки, уничижительного намека, сарказма до прямого ругательства с использованием ненормативной лексики» [Кваскова 2016, с. 354]. В качестве дисфемизмов может использоваться мелиоративная или нейтральная лексика, которая в этом случае обладает низкой степенью дисфемизации и несет в себе иронию или сарказм.

Лексические единицы, выражающие негативное отношение, мы, вслед за М. Касас Гомезом, именуем дисфемистическими употреблениями, поскольку зачастую слово само по себе не может быть названо дисфемизмом, но оно может приобретать отрицательную оценочность в контексте (как упомянутые выше мелиоративные или нейтральные лексемы). Под дисфемистическим употреблением мы понимаем использование в речи лексической единицы с целью выражения негативного и уничижительного отношения к коммуникативной

ситуации в целом или к ее участникам. Дисфемистический аспект языкового знака зависит от множества обстоятельств: от времени, места, предмета разговора, национальности, культурного и социального уровней, говорящих [Casas Gómez 2009, 731]. Такой подход позволяет рассматривать дисфемизмы более широко, учитывая социокультурные факторы, внешние и внутренние обстоятельства, в которых разворачивается процесс коммуникации, что представляется нам более перспективным. Яркой иллюстрацией этого положения могут служить зооморфизмы, столь различные в разных культурах:

> Qu'il s'occupe de sa *pintade* celui-là elle passe son temps à dire un tas de conneries aussi grosses qu'elle tous les week end à la télé [1] (‘Пусть займется своей *цесаркой*, которая проводит время за тем, что говорит кучу глупостей таких же огромных, как и она сама’). Речь идет о Р. Гарридо, супруге А. Корбье (депутата, члена партии «Непокоренная Франция»), которая, по мнению комментатора, «говорит чепуху» и «жирная». Во французской культуре такую женщину называют «цесаркой», в то время как в русской культуре ее бы назвали коровой. По-французски же *vache* (‘корова’) – это очень строгий, жесткий человек. А в Индии корова – священное почитаемое животное и обращение к любимой женщине.
>
> Чтобы и *волки* были сыты, и *овцы* целы? [2] : это комментарий к статье о поручении Президента решить проблему обманутых дольщиков.

Поскольку в статье говорится о том, что необходимо принять «не обременительные» меры, не наносящие ущерб строительной отрасли, то становится понятным, что под волками автор комментария иронично подразумевает руководителей

[1] LeFigaro: Le Scan Politique: http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/05/06/25001-20180506ARTFIG00068-la-fete-a-macron-corbiere-publie-par-erreur-une-photo-datant-du-mondial-98.php?utm_campaign=Echobox&utm_medium=Social&utm_source=Facebook#link_time=1525606833 (дата обращения: 06.05.2018). Здесь и далее комментарии приводятся в орфографии авторов.

[2] Lenta.ru: Россия: Политика: https://lenta.ru/comments/news/2019/06/04/dolshik/ (дата обращения: 04.06.2019)

строительства, а под овцами – обманутых дольщиков. Во французской культуре аналогом русской пословицы является выражение *ménager la chèvre et le chou* ‘сохранить и козу, и капусту’.

Таким образом, экстралингвистические факторы могут играть решающую роль в определении того, какую оценку несет та или иная лексема. В рассмотренных случаях это употребление в качестве дисфемизмов специфических фразеологических единиц, пословиц и поговорок, распространенных в той или иной культуре.

Нами было установлено, что, реагируя на ту или статью, русские комментаторы чаще, чем французские, прибегают к использованию грубых вульгаризмов и нецензурных слов. Рассмотрим несколько комментариев к статье о выступлении Президента на тему протестов в Москве перед выборами в думу:

да чё за *на х*?[1]

су....и[2]

питерас[3]

Для того, чтобы избежать цензуры и удаления комментария, пользователи изменяют графический облик слов, используя, например, прием усечения или искажения графической формы слова. Руководствуясь требованиями этики, мы не приводим примеры с нецензурными выражениями.

Как утверждает ряд культурологов и филологов, именно из-за распространения матерной лексики в сфере публичного общения и ее повсеместного употребления теряется виртуозность языкового выражения. Если изначально мат обладал мощной силой и употреблялся преимущественно при личном общении или для установления контакта (явление карнавализации подробно описано М. Бахтиным), то сейчас культура русского мата вырождается, он становится грязной руганью [Елистратов 2001; Павловец 2014].

Характерной же чертой французских комментариев является более частое, чем в русском корпусе, ироничное

[1] Instagram: РИА Новости: https://www.instagram.com/p/B1Ww_1uFOZH/ (дата обращения: 19.08.2019)

[2] см.3

[3] см.3

употребление нейтральных и даже амелиоративных слов для выражения порицания. Рассмотрим комментарий к статье об отставке министра внутренних дел Франции Ж. Коломба, облаченный в поэтическое, но всё же пренебрежительное одеяние:

> En automne *les feuilles mortes* se ramassent à la pelle! [1]
> ‘Осенью *опавшие листья* можно грести лопатой’.

Здесь, с одной стороны, мы отмечаем аллюзию на известное стихотворение Ж. Превера, и, с другой стороны, с помощью метафоры автор комментария обращает внимание на большое количество отставок министров и передает свое ироничное отношение к неспособности Президента удержать правительство.

Следующий комментарий сделан к статье о том, что Марион Марешаль-Ле Пен резко критикует существующую власть и даже ставит под сомнение результаты последних президентских выборов, состоявшихся в 2017 г.:

> C’est quoi son expertise à *cette brillante jeune fille* qui n’a jamais travaillé ?!! Mdr[2] (‘Что это за экспертное мнение от этой *великолепной девушки*, которая никогда не работала?!! Умираю со смеху’).

Здесь амелиоративная лексема *brillante* в сочетании с эмоциональным синтаксисом (разговорный оборот *C’est quoi…*, знаки препинания), а также акронимом *Mdr,* приобретает противоположный смысл и показывает, что комментатор на самом деле не считает М. Ле Пен грамотным политиком.

В следующем комментарии к статье о забастовках водителей «Автономного Оператора Парижского Транспорта» также использована амелиоративная лексема *vivement*. С одной стороны, автор выражает позитивное отношение к возможной автоматизации общественного транспорта и, следовательно, его независимости от человеческого фактора, а с другой стороны, он

[1] LeFigaro: Le Scan Politique: http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2018/10/02/25002-20181002ARTFIG00218-philippe-sur-collomb-je-vais-proposer-au-president-les-decisions-qui-s-imposent.php (обращения: 02.10.2018)
[2] LeFigaro: Le Scan Politique: https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2019/02/20/25001-20190220ARTFIG00230-marion-marechal-etrille-un-pouvoir-devenu-totalement-illegitime.php (дата обращения: 20.02.2019)

выражает неодобрительное отношение к действиям бастующих, из-за которых был парализован общественный транспорт:

> *Vivement* l'automatisation de toutes les lignes ... [1] ('Да здравствует автоматизация всех <транспортных> линий').

Также особенностью французского корпуса комментариев является частое использование акронима *mdr* (*mort de rire* – 'умираю со смеху') или смеющегося смайлика в конце негативных комментариев, что также подчеркивает ироничный настрой комментаторов. Рассмотрим комментарий к статье о переходе А. Жюппе с должности мэра г. Бордо в Конституционный Совет, который сам политик называл очень тяжелым для него решением, ведь он очень любит этот город:

> lui a t on mis un couteau sous la gorge pour rejoindre le CC ? et qui ? FERRAND ? *MDR*[2] ('ему нож к горлу приставили, чтобы он устроился в Конституционный Совет? И кто? Ферран? *умираю со смеху'*).

Как показывают комментарии к этой статье, мало кто поверил в искренность слов политика. Здесь можно отметить также изменение шрифта (использование заглавных букв) для выражения эмоционального отношения.

Таким образом, наш корпус показывает, что комментарии к статьям на политические темы обладают заметной спецификой. Так, выявляется тенденция к выражению негативного отношения в низком регистре речи с использованием нецензурной лексики русскоязычными пользователями интернета и склонность к ироничному использованию положительно заряженных вне контекста или нейтральных единиц франкоговорящими читателями.

Мы можем сделать вывод о том, что русскоязычные комментаторы часто пренебрегают требованиями культуры речи при выражении негативной оценки политической ситуации или политических персон, нарушая принципы этики общения.

[1] Instagram : Le Monde : https://www.instagram.com/p/B6KyMn8hXPK/ (дата обращения: 19.12.2019)

[2] LeFigaro: Le Scan Politique: https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2019/02/14/25001-20190214ARTFIG00096-emu-aux-larmes-alain-juppe-fait-ses-adieux-a-bordeaux.php#fig-comments (дата обращения: 14.02.2019)

Франкоговорящие же комментаторы в большинстве своем достигают своей коммуникативной задачи (выразить недовольство), не нарушая требований этики общения.

Мы считаем, что дисфемистическое употребление мелиоративных слов имеет более высокую степень воздействия на аудиторию, так как при их буквальном понимании в сознании читателя создается желаемая картина того, как могли бы складываться события при более благополучных обстоятельствах. Вне контекста эти слова с мелиоративными семами описывают мечту, идеальное положение вещей, но, попадая в определенный контекст, они подчеркивают пропасть между этой мечтой и реальностью.

А дисфемизмы, выраженные в нелитературной форме, будучи перенасыщенными эмоциями, не несут конструктивного заряда и оттого не находят глубокого, осмысленного отклика у читателей, а провоцируют лишь поверхностные негативные реакции.

Литература

1. Граудина, Л. К. Культура русской речи [Текст]: учебник для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М., 2015. – 560 с.
2. Елистратов, В. С. Русский мат, история и место в русском языке [Интервью] / В. С. Елистратов // радиостанция «Эхо Москвы». URL: https://echo.msk.ru/programs/beseda/14946/
3. Кваскова, Л. В. Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе [Текст] / Л. В. Кваскова // Преподаватель XXI век. 2016. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnaya-taktika-v-diskurse
4. Павловец, М. Г. Мат в литературе: pro et contra [Опрос] / М. Г. Павловец // электронный литературный журнал Литературa, 2014. URL: http://literratura.org/issue_criticism/428-mat-v-literature-pro-et-contra.html

5. Allan, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon [Текст] / K. Allan, K. Burridge. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. – 288 p.
6. Allan, K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language [Текст] / K. Allan, K. Burridge. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.
7. Casas Gómez, M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism [Текст] / M. Casas Gómez // Language Sciences, 2009 – 31 (6) – pp. 725-739.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИЯ

УДК 374

Кузьменкова Юлия Борисовна
Julia Kuzmenkova
Ерыкина Мария Андреевна
Maria Erykina

Обучающая драма на иностранном языке как специальный жанр

FLT drama as a special linguodidactic genre

Аннотация. Авторами была разработана концепция обучающего театра на иностранном языке, нацеленного на создание театрализованных постановок для решения конкретных задач при освоении иностранного языка. В начале статьи дается краткий обзор источников и терминологии, отражающий современное состояние исследуемой области, а далее рассматриваются возможности реализации авторской концепции на примере постановок, синтезирующих основные существующие подходы к драматизации в практике преподавания для учащихся разного уровня языковой подготовки.

Abstract. The article highlights the use of drama activities in a FL classroom. The discussion starts by a brief overview of existing approaches to drama activities and current terminology and then considers novel conception of the FLT theatre focusing on its broad potential for teaching purposes. Methods for developing communicative skills, awakening students' language and cultural awareness, creativity and interest in studies as well as various aids intended to facilitate "theatre comprehension" are also considered. Finally, to illustrate the authors' standpoint some examples of their teaching experience are offered.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, театрализованные постановки в обучении иностранному языку, обучающий театр на иностранном языке

Key words: FLT, language acquisition, drama activities, educational drama, the FLT Theatre

Introduction

In the present article we attempt to seek answers to a number of questions relating to the role of drama activities in an FLT classroom. Why are those activities useful? Who are they intended for? What goals are to be set? What prevents a performance from being a success? What plays to choose? How to facilitate the task of staging and understanding them? And, finally, how could drama be intertwined with daily routine of teaching a foreign language? This is but an incomplete list of highly debatable questions often raised by theatre enthusiasts.

Currently educational drama activities have a widespread appeal among teachers who came to realise their rich potential [Barreto, 2014; Cunico, 2005; Gill, 2013; Gomez, 2010; Mattevi, 2005; O'Gara, 2008]. This is particularly true of our American colleagues who tend to integrate drama into teaching any subject on the curriculum including disciplines like mathematics. As to FL acquisition, drama is often used as a tool e.g. for building up new vocabulary and confident oral production, shifting the focus from the teacher to the students. The general goals pursued are to better students' communicative skills and their understanding of human interaction and largely target young learners. Heated debates over the efficiency of turning to educational drama signify continuous concern with the issue, initiated about half a century ago by a number of academic publications, some exemplary being those by A. Maley & A. Duff [2009] and S. Holden [1981]. Those works had immediate implications for numerous successors who developed their insights, uncovered benefits of using drama techniques (cf. overviews [Boudreault, 2010; Shen-Li, 2014]) and introduced new formats.

In view of the variety of those formats it is expedient to consider the terminology characteristic of activities in question as at times it becomes somewhat ambiguous and misleading. Different terms are used to denote more or less similar theatrical activities. Typically, they form compounds with broad meanings, the key elements often being *drama* (e.g. creative, educational, improvised, informal classroom drama etc.) and *play* (e.g. socio-dramatic, symbolic or thematic-fantasy, role-play etc.). Holden [1981] defines drama as an activity where students present themselves or other persons in an imaginary situation; this definition (often cited) is applicable to various formats of drama in language teaching including role-play, one of the problematic terms in the field. Its meanings range from improvisation in a simulated situation where participants discuss and solve a problem to assuming a role in a full-scale improvised drama [Kuzmenkova, 2010].

Drama as a process and drama as a product

How are we to differentiate between the varieties existing within the trend? Having analysed different contemporary approaches to using drama in FL training we think appropriate for practical purposes to reduce them to the two most prominent, namely process-

and product-oriented. The first, process drama – often appears under the names *creative, educational or drama in education (DIE),* largely relying on improvisational role playing suggested by a story (whose plot is known in advance) and centring upon enacting. It presupposes transforming a text relevant to the syllabus and emphasises problem solving. Process-oriented activities are aimed at mastering spontaneous speech, deepening students' understanding of (any) subject and rehearsing their future social roles and values; the difference between creative and DIE being that the latter attempts to cover the larger school curriculum.

Drama as a product targets a formal presentation of a finished play (also correlating with the syllabus) for an audience and therefore implies faultless prepared speech. The elements of creativity and inventiveness are commonly connected with the work on the plot. The overall goal with respect to FL training is to improve skills of speaking and listening.

The two varieties considered have certain delimitations. Projected onto educational needs process-oriented drama is restricted by the very duration of a class and learners' level (preferably pre-intermediate). Besides, few hours allotted for that kind of training (as it is the case in Russia) seldom allow for ensuing discussions which should be structured and centred not only on the analysis of the situation and individual student' behaviour but also on language components; otherwise results (in terms of FL acquisition) often leave much to be desired. Drama as a product is rather time consuming and involves extra-curriculum activities with inevitable (at times tedious) memorising, drilling and rehearsing. In both cases taking a video of performance proves useful for correcting and eliminating errors.

At close examination the existing approaches can further be reduced to a well-known dilemma: what to focus on, fluency and spontaneity (at the expense of accuracy) or accuracy (at the expense of fluency and spontaneity). Advocates of the former approach value process-oriented drama while those of the latter prefer drama as a product [Kuzmenkov, Kuzmenkova, 2001]. Actually, teachers who work with young learners or deal with the levels lower than intermediate often get engaged in different forms of improvisation while more advanced students aiming at professionalism could aspire to create a product. However, we should also bear in mind that books

(especially American) on drama comprise quite a variety of different categories of learners, ranging from toddlers and pre-schoolers to teenagers and adults naming all of them *students*. For American kindergartens it is quite common to involve children in such serious sounding activities as *informal drama* or *sociodramatic play*. Still as the above approaches are said to be most effective with the younger "students" much seems to depend on the tasks set, and, e.g. pre-schoolers love both to prepare and to present 'products' of their activities – be they mini-dramas or puppet shows – to the public. Students (in our understanding of the term) have different preferences and can be equally attracted by process- and product-oriented activities; here much depends on their interests and language level.

The notions of *drama* and *theatre*

We now move on to discussing central terms, namely *drama* and *theatre* – in our case pertaining to the sphere of FLT. It might be interesting to consider the notion of *drama* from a cross-cultural perspective. For the Russian audience, it was always associated with something serious – deep emotions, some drastic changes in daily routine, perhaps, resulting in suffering etc. Thus merely adopting *drama* as a term denoting certain classroom activities might be partly misleading, in a sense that all the underlying "hidden" connotations would somehow manifest themselves – be it only through the attitude of a teacher or students. That is why it is difficult to adequately translate this term: after all, what is *drama* in the context of educational activities, *театрализованная постановка*, *любительский спектакль*, *пьеска* or something else?

In effect, for the Russian audience drama activities vary from amateur role playing (e.g. *The Red Riding Hood* or *Cinderella* versions adapted for pre-schoolers) to professional or semi-professional performances (e.g. Shakespeare's or Shaw's plays for advanced students). Characteristically, both ends of the spectrum keep the name of *an English Theatre* though it is quite obvious that there is a great deal of difference between the activities in question. Evidently understanding Wilde's plays in the original is quite a challenge in itself and the success of their stage performances depends to a great extent on the level of acting and the audience's preparation for "theatre comprehension" [Kuzmenkov, Kuzmenkova,2001]. Otherwise it

might result in merely acting for the selected few or facing empty rows after the first act.

What is in a name, *an English Theatre* for us, then? Translated into Russian, it is *английский театр* with different adjectives used to denote the ramifications that the trend implies (e.g. *самодеятельный, любительский, профессиональный, учебный* – to name just a few). By the way, it is curious that the British Council translated *the English Teaching Theatre* (*the ETT*), the name of a group of British professional actors and teachers, as *английский учебный театр*. In our view, the translation is not quite accurate and the group's motto *English through acting* is somewhat ambiguous. Their performances are but clear-cut examples of *drama as a product;* its aims however are primarily to entertain and (at best) motivate rather than to *teach* their audience – in the sense we are used to interpret the meaning of educational purposes here in Russia. The name *театр на английском языке* seems to be more appropriate to reflect the group's activities (as well as those of Russian professionals staging British classics) because it usually denotes the professional theatre, only – in this case – in another language. The notion of *an English Theatre* (or any other FL theatre) deserves special attention, for it is by no means easy to adequately define what actually stands behind it and the very name – though popular – is rather misleading.

The role of the FLT Theatre

Thus we face the necessity to reconceptualise the role of the FLT Theatre and define a certain niche for it. A theatre needs to have its own goals targeting a particular audience. Amateur theatres could be aimed at merely entertaining spectators, professionals could set more serious tasks, and obviously the FLT Theatre should teach. If its ultimate goal is education through drama, then it is necessary to specify what particular we have in mind to attain it. Regretfully FL teachers, ever overburdened with routine responsibilities, seem to find little time to consider the methodological outcome of the drama activities they are involved in. Eventually they realise the positive impact of their voluntary efforts on the progress their students make – and are satisfied with the results obtained. The obvious and often neglected question arising in this connection is who those efforts are intended for?

The FLT Theatre in terms of Russian classroom needs is intended to strike a sort of balance between process- and product-oriented drama and teach both participants and the audience. Hence, special emphasis should be laid on making the theatre serve different teaching purposes arising in the course of studies as the underlying idea is to treat drama not merely as motivating and entertaining but first and foremost as *educational*. The key criterion for assessing drama activities could be their relevance to the syllabus, and the guiding principle for choosing plots – again their relevance to learners' needs. Russian teachers though seem to be inclined to turn either to well-known fairy-tales whose plots are oversimplified at the expense of the original and thus deprived of their zest, or to classics whose plays abound in old-fashioned words and complicated expressions, plots often being too intricate for unprepared audience [Kuzmenkova, Erykina, 2017].

Selecting a plot, the teacher should ensure that the language is accessible both to participants and potential spectators (in case of the product-oriented work) and the topic arouses the students' interest. At times teachers tend to introduce into plays small fragments from textbooks under study – appropriately modified. The topic should preferably correlate with the curriculum and contain some essential language elements to be further drilled. The procedure might involve adapting or writing a play and showing the draft to a competent native speaker – to avoid multiplying inevitable mistakes (especially in the realms where errors are less easily spotted, e.g. style, frequency of usage and pragmatics). With young learners and low level students scripts should be repetitive, simple and entertaining – not to make rehearsing and preparation tiring and time-consuming.

Procedures

Actually, voluntary work on rehearsals as we see it could go in parallel with routine classroom activities, the former much contributing to the latter and visa versa. The FLT Theatre can 'process' practically any teaching material ranging from pronunciation or speech patterns to stylistic or cultural differences, not to mention grammar. Thus, certain skills or language structures under study could first be introduced at a lesson and further illustrated or drilled by actors during the preparatory period; those performances can also be a few minutes' activities. The procedure can be reversed:

the play chosen might contain some elements (e.g. new words or grammar) difficult for particular groups of students. Approached creatively, potential difficulties might be eliminated by discussing those problem cases in class – to facilitate their understanding during the performance. To establish real contact with the audience the language level of potential spectators should be taken into account, different visual and musical aids can be introduced in the hall before and during the performance.

All considered the focus on purposeful selecting language items and their systematic integration into plots is a distinctive feature of the FLT Theatre which serves to determine particular skills and knowledge that have been gained. As to results, the analysis of recent publications [Giebert, 2014] indicates that only a limited number of empirical studies have aimed to actually examine the beneficial effects gained. It appears that the approach under discussion could facilitate the procedure of assessing the results achieved; a performance for the audience could be followed by a regular internal test containing language items used both in the play and routine classroom activities to signify progress and reveal flaws.

Seen as a whole the procedures outlined and our teaching experience permit the following conclusion. The work should rely on the complex approach combining different practices implied by demands of our learners, systematically integrating those practices into the language acquisition process and presenting relevant teaching material in plays. If this principle is adhered to regularly and purposefully, the approach becomes complex and systemic, and theatrical aspects – more meaningful and sensible.

Examples of the teaching experience

So far we've been discussing different procedures pertaining to the work within the frame of the FLT Theatre. Now we intend to illustrate them by some examples of our teaching experience. Our first steps go back to the early 80s when J. Kuzmenkova was engaged in drama activities with MSU students of non-language departments (upper-intermediate level) and staged *Eeyore's Birthday*. Choosing the popular extract from Milne's book was accounted for by the fact that stories well known for the audience are simpler to make closer to our everyday reality. Our Winnie-the-Pooh became a biophysicist inventing a sophisticated apparatus for distilling honey, Eeyore was a

philosopher, and other characters had undergone similar "transformations".

The next step was to turn Milne's text into a play and incorporate certain language items; we focused on vocabulary building and politeness phrases that related to the current curriculum. As our final task was to make the play understandable so that most of our ideas went home we employed the method of repeated presentations and explanations, quite common for classroom activities. Thus, we created the part of *Storyteller* who was responsible for introducing characters and supplying commentaries (where necessary) to what was taking place on the stage. A set of telephone conversations and a demonstration of a slide show were specially designed to perform similar functions. Apart from those, songs (also educational) were created to accompany acting, help the audience to relax and understand words. The choice of words for the songs correlated with those of the plays to facilitate comprehension. Owing to a large proportion of songs and dances, the play turned out to be a sort of a musical. In short, all language difficulties repeatedly presented in various forms finally ceased to be difficulties for the majority of those present and ensured constant contact with the audience [Kuzmenkov, Kuzmenkova, 2001]. The first experience was followed by three other performances where similar techniques were implemented. As to results – one came a couple decades after those performances in a letter from ex Winnie-the-Pooh, now professor of mathematics in Bangladesh, where he said that he keeps using a number of his favourite expressions from the play in everyday life. Regrettably in those days we could not (for various reasons) consider the option of turning to assessment tools to measure students' progress with greater objectivity.

That experience gave impetus for writing several plays for the FLT Theatre emphasising different aspects of language learning and targeting not only young learners but students. One of those plays, *Lift Trap* [Kuzmenkov, Kuzmenkova, 2011] staged at a Moscow school by I. Ichshnely deserves special attention as it attempts to introduce cross-cultural dimension to develop students' awareness of the unwritten rules of appropriate communicative behaviour. The plot centres round four people of different nationalities who had pressing matters to attend to but – unfortunately – got stuck in a lift in a British

hotel. They had to cope with frustration and – possibly – save faces. The play features some rules of the lift etiquette accepted in the British society illustrating the habit of protecting privacy. Creating cross-cultural plays has achieved a kind of urgency in our times as they help to illustrate and eliminate possible blunders arising from ignoring the fact that norms of communication are by no means universal across countries.

Some other school teachers involved in drama activities started to present results of their work at MELTA drama festivals. Another festival recently took place at the HSE French club where a series of plays created and videofilmed by students of economics guided by M. Erykina was presented. This time first year students were making their first steps in mastering French and the script was based on materials of the course book. Once inspired by the challenging idea, those students showed much enthusiasm and motivation in creating scripts, filling them with modified expression from the manual, adding some cross-cultural aspects and choosing appropriate songs and photos. The main characters Jacques Rival and his family ('borrowed' from the course book) and two Russian students had a number of amusing encounters both in Moscow and in Paris. This was a successful combination of both drama as a process and product within the frame of a project that echoed S. Giebert's [2014] observations about the role of theatre in teaching FL for professional purposes and the possibility of using drama projects (to connect process- and product-oriented activities) where students investigate a theme, create a script, rehearse and finally stage a play. Finally, it was rather encouraging that routine internal progress lexico-grammatical tests demonstrated significant students' progress.

Conclusion

On the whole it can be stated that within the trend there are different varieties of drama – short or long, verbal or pantomimic, musical – to name just the most popular. As matters stand now, theatrical activities are not recognised as an area separate from other language activities within school or university syllabi. Voluntary teachers' efforts aimed at creating and staging plays signify a variety of possible innovative answers to the incomplete list of highly debatable questions raised at the outset and in the future we are to expect various useful insights. We presented our conception of the

FLT theatre, its correlation with classroom activities and its role in developing communicative skills. The main focus was on specific goals of the FLT theatre, namely those of choosing plays and integrating teaching materials to meet the demands of a target audience. The key point is that extra-curriculum work on preparing a performance could much contribute to that in a regular classroom setting, the essence of all intentions being to create a real theatre "working" for FLT purposes.

Special attention was drawn to the often neglected educational aspect of drama that actually makes it an FLT activity. It is the focus on teaching purposes that accounts for a particular role of the FLT Theatre; otherwise it risks losing identity and getting absorbed by other theatric enterprises either professional or amateur. To survive and develop, to entertain and educate both participants and spectators the FLT drama should be viewed as a special genre targeting specific teaching tasks in the first place and integrating essential features of high drama.

References

1. Barreto, E.A. 2014. Educational drama and language acquisition for English proficiency. California State University, Los Angeles, ProQuest, UMI Dissertations Publishing #1554673.
2. Boudreault, C. 2010. The benefits of using drama in the ESL/EFL Classroom. The Internet TESL Journal, 16(1). http://iteslj.org/Articles/Boudreault-Drama.html.
3. Cunico, S. 2005. Teaching Language and Intercultural Competence through Drama: Some Suggestions for a Neglected Resource. Language Learning Journal 31(1): 21-29. Philadelphia, Routledge.
4. Giebert, S. 2014. Drama and theatre in teaching foreign languages for professional purposes. Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité, 33 (1), pp. 138-150.
5. Gill, C. 2013. Enhancing the English-language oral skills of international students through drama. English Language Teaching, 6(4): 29-41. DOI: 10.5539/elt.v6n4p29

6. Gomez, D. I. 2010. Using drama to improve oral skills in the ESL classroom. International Schools Journal, Vol. 30, No.1.
7. Holden, S. 1981. Drama in Language Teaching. Harlow: Longman.
8. Kuzmenkov, A., Kuzmenkova, J. 2001. Set the Stage. Moscow: Centercom.
9. Kuzmenkov, A., Kuzmenkova, J. 2011. Lift Trap; Holidays Russian-style; Hotel Detective. Cross-cultural plays for the ELT Theatre. Moscow: MaxPress.
10. Kuzmenkova, J. 2010. Drama activities in a retrospective and perspective. Crosscurrents: Studies in English Linguistics, 3 (28), pp. 103 – 108. Holy Cross University Periodical Publications, # 141 Series: English Philology. Kielce, Poland.
11. Kuzmenkova, J., Erykina, M. 2017. Songs and drama integrated in EFL learning. Moscow: MSU Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, no. 2, pp. 42-51.
12. Maley, A., Duff, A. 2009. Drama Techniques, 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Mattevi, Y. 2005. Using Drama in the classroom: the educational values of theatre in second language acquisition. PHD Dissertation, Stony Brook University. UMI # 3189394.
14. O'Gara, P. 2008. To be or have not been: Learning language tenses through drama. Issues in Educational Research, 18(2), pp. 156-166.
15. Shen-Li, L. 2014. Extra-curricular Activities: The Benefits of Drama and Musical Theatre. https://www.figur8.net/2014/01/17 Figur8 – Nurture for the future.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81.253

Михайловская Мария Валерьевна
Maria Mikhailovskaia

К вопросу о роли переводческой записи в устном последовательном переводе[1]

The pivotal role of note-taking in consecutive interpreting

Аннотация: Статья освещает роль переводческой записи как вспомогательного вида деятельности при устном последовательном переводе и представляет хронологический обзор существующих систем и подходов к процессу ее ведения. В работе подчеркивается значимость правильного формирования навыка ведения записей, поскольку основной целью его овладения является обеспечение требуемого качества устного перевода. Таким образом, переводческая запись представляет собой эффективный инструмент, формирующийся в ходе практики устного переводчика, который, в свою очередь, адаптирует уже существующие принципы ведения записи и на их основе вырабатывает новые.

Abstract: The study explores the essence and role of note-taking in consecutive interpreting and presents a comprehensive chronological overview of prevailing approaches to taking notes, suggested by outstanding scholars and practitioners. It is posited that acquiring proper note-taking skills is crucial to ensuring the expected quality of interpretation. Hence, note-taking represents an ancillary activity as well as an indispensable tool that the interpreter is developing throughout his entire practice, adapting the fundamentals and working out his own techniques.

Ключевые слова: устный последовательный перевод, переводческая запись, активное слушание, девербализация, анализ звучащей речи, единицы смысла

Key words: consecutive interpretation, note-taking, active listening, deverbalisation, speech analysis, units of meaning

Переводческая запись (переводческая нотация, скоропись или семантография) представляет собой один из ключевых инструментов в арсенале профессионального устного переводчика. Как справедливо отмечает И.В. Зубанова, «переводческой скорописью называют особую систему записи, позволяющую устному переводчику в «реальном времени» фиксировать на бумаге достаточное количество смысловых элементов речи оратора-источника, чтобы с опорой на них

[1] Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

сформировать через несколько секунд или минут звучащий текст перевода» [Зубанова, 2016:37].

История формирования основных принципов и способов ведения переводческой записи неразрывно связана с этапами становления устного последовательного перевода как профессиональной деятельности. Лига Наций (1919 - 1946 г.г.) считается местом настоящего расцвета устного перевода, связанного с именами таких выдающихся переводчиков, как Антуан Веллеман, основавший в 1941 году Женевскую Школу устных переводчиков, Жан Эрбер, Робер Конфино, Андре и Жорж Каминкер, Жорж Матье и др. [Миньяр-Белоручев, 2005:3] Уже в те времена стал очевидным тот факт, что даже самая тренированная память профессионального переводчика не может гарантировать запоминания всего текста, если длительность его звучания сравнительно велика и, более того, если исходная речь изобилует единицами фактической и так называемой прецизионной информации.

Как известно, основоположниками переводческой записи являются Ж. Эрбер (Швейцария), Ж.-Ф. Розан (Швейцария) и Р.К. Миньяр-Белоручев (СССР). Впервые вопрос о значимости переводческой записи как вспомогательного инструмента при устном последовательном переводе в учебной литературе поднимается в пособии для конференц-переводчиков Жана Эрбера [“Manuel de l'interprète: comment on devient interprète de conférences”, 1952], в котором подчеркивается взаимосвязь качества выполненного перевода и записей, объясняется их предназначение, отмечается принципиальное отличие от других видов письменной фиксации звучащего текста. Наряду с вышесказанным, Ж. Эрбер уделяет внимание важности логического анализа, сопровождающего процесс ведения записей, дает рекомендации относительно того, на каком языке следует фиксировать речь оратора, а также комментирует возможное использование аббревиатур, разного рода символов и знаков [Herbert, 1952].

Однако принято считать, что основные правила ведения переводческой записи были впервые обобщены и представлены в пособии Ж.-Ф. Розана “La prise de notes en interprétation consecutive” (1956). Предложенная система включала в себя 20

символов и основывалась на 7 простых принципах, а именно: 1) фиксировать мысли, а не отдельные слова; 2) сокращать слова; 3) отмечать логические связи; 4) обозначать отрицание; 5) выделять усиление значения; 6) соблюдать принцип вертикального ведения записей; 7) вести записи «лесенкой» [Rozan, 1956].

В отечественном переводоведении первые труды, посвященные переводческой записи, принадлежат Р.К. Миньяр-Белоручеву. «Учебное пособие по устному переводу» (1969) и «Записи в последовательном переводе» (1997/2005) представляют собой основательные пособия, ориентированные прежде всего на работу со звучащими текстами военного дискурса. Р.К. Миньяр-Белоручев подчеркивал, что «процесс записи – записывание стимулирует интеллектуальную активность и тем самым предполагает запоминание», а также настаивал на значимости смыслового анализа при ведении записей, основной целью которого является «выделение из воспринятого материала основной нити содержания, состоящей из опорных пунктов памяти». Согласно его подходу, так называемые опорные пункты памяти определяются с помощью трех методов: 1) выбора слов с наибольшей семантической нагрузкой; 2) трансформации лексического материала; 3) выбора рельефных слов при обязательной записи всех трудноусваиваемых памятью реалий [Миньяр-Белоручев, 2005:12].

К настоящему времени сформировался целый ряд систем и подходов к ведению сокращенной переводческая записи, обладающих бесспорными достоинствами. Однако эффективность той или иной системы остается критерием сугубо субъективным и определяется конкретным переводчиком исключительно в ходе его профессиональной деятельности.

Особый интерес представляет подход Д. Селескович, основательницы т.н. «Парижской школы перевода», которая подходила к изучению переводческой записи и ее мнемонической функции не только с точки зрения колоссального практического опыта, но и с позиций экспериментальной психологии, психолингвистики и гносеологии. Предложенный этим исследователем подход является отражением основных

принципов «теории смысла» и подразумевает, что каждый условный знак или символ должен передавать целую идею. При этом исключается использование сокращений слов, чтобы освободить исходный звучащий текст от его языковой формы, оставив заключенные в нем смыслы. Д. Селескович также считала, что не существует «незыблемой» системы записи, поскольку любой подход или система априори должны быть гибкими и претерпевать изменения в зависимости от потребностей, личного и профессионального опыта переводчика [Seleskovitch, 1968, 1975].

В этой связи нельзя не упомянуть Х. Матиссека, ученого из университета в г. Гейдельберг, который разработал систему записи (часто именуемую «Гейдельбергской системой»), нацеленную на относительно точную передачу форм и структуры исходного звучащего текста и представляющую собой универсальный переводческий язык, который можно использовать практически для любой комбинации рабочих языков, и подкрепил ее внушительным глоссарием символов, охватывающих целые лексические гнезда слов [Matyssek, 1989].

Также следует обратить внимание на систему записей, предложенную К. Облитас, представительницей Глендонской школы устного перевода (Торонто). Согласно этому подходу, исходный звучащий текст разбивается на смысловые части, каждая из которых отделяется от предыдущей с помощью линии и изображается в виде картинок и/или ментальных карт. Последовательность элементов каждой условной картинки/ментальной карты отражает последовательность единиц информации оригинала. При этом результат сказанного оратором фиксируется по середине страницы, уточняющая или дополняющая информация размещается горизонтально или вертикально рядом с тем элементом, к которому относится, логические связи помечаются в левой части страницы.

Безусловно, большую ценность представляет и система Э. Гиллиса, профессионального конференц-переводчика, члена Международной ассоциации переводчиков конференций (AIIC), который, к тому же, проводит курсы повышения квалификации (skills enhancement courses) для штатных и внештатных переводчиков AIIC и Европарламента. Разработанное им

практическое пособие “Note-taking for consecutive interpreting: a short course” освещает нюансы смыслового анализа именно с позиций переводческой записи и отражает самые эффективные техники ее ведения (включая внушительный материал для тренировки), которые не только были когда-то предложены выдающимися практиками устного перевода (в том числе и уже упомянутыми нами), но и наработанные в ходе профессиональной деятельности самого Э. Гиллиса [Gillies, 2017].

Таким образом, логично утверждать, что переводческая запись представляет собой вспомогательный вид деятельности, инструмент, формирующийся в ходе практики устного переводчика, который, в свою очередь, адаптирует уже существующие принципы ведения записи и на их основе вырабатывает новые. Важно помнить, что сокращенная переводческая запись не представляет собой пословную фиксацию реплик говорящего, иными словами, диктант или конспект, а также далека от стенографии, очевидные особенности которой не способствовали бы обеспечению должного качества устного перевода. Так, Анри ван Хооф в своем пособии “Théorie et pratique de l'interprétation: avec application particulière à l'anglais et au français” категорично отмечает: «Дословная запись повлекла бы за собой, естественно, дословное воспроизведение, т.е. отказ от основных принципов перевода. Вот почему мы не приемлем стенографию. Будучи системой записей, основанной на слове, она помешала бы переводчику сосредоточиться на основных мыслях, развиваемых в речи и, следовательно, дать удовлетворительный перевод» [Van Hoof, 1962:3]. Иными словами, стенография сводится к фиксации слов, а не главных смысловых элементов, что неизбежно вынуждало бы переводчика осуществлять дословный перевод исходной речи.

Становится понятно, что эффективная система записи не сводится исключительно к графическому отображению информации на листе бумаги и прежде всего основана на оперативном анализе исходного высказывания, нацеленном на вычленение основных единиц смысла для их последующей фиксации с помощью различного типа сокращений или символов. В связи с этим совершенно оправданным

представляется утверждение Е. Н. Сладковской о том, что запись, «наряду с индивидуальными, присущими каждому переводчику способами фиксации, является системой, отражающей общие закономерности восприятия и анализа речи человеком» [Сладковская, 1986:68].

Таким образом, представляется целесообразным говорить о следующих неотъемлемых составляющих процесса ведения записи, происходящих практически одновременно: 1) активное слушание, нацеленное не на вычленение отдельных слов, а на восприятие смысла всего высказывания; 2) девербализация на этапе понимания, позволяющая переводчику оторваться от поверхностной структуры реплик говорящего, вести не пословную их запись, а фиксировать целостные смысловые элементы, основные идеи, озвученные оратором (необходимо помнить о том, что такие элементы, как имена собственные, цифры, термины конкретной предметной области, а также неологизмы и специфические выражения оратора[1] не подлежат, выражаясь в терминах Парижской школы, девербализации и передаются с помощью транскодирования); 3) анализ структуры всего высказывания с четким пониманием всех логических связей и переходов от одной мысли к другой с последующим их отображением в записи; 4) экономичная фиксация основных идей с использованием ограниченного числа символов или сокращений.

Совершенно очевидно, что целесообразность обучения сокращенной записи в ходе подготовки переводческих кадров не ставится под сомнение. В связи с вышесказанным возникает целый ряд вопросов, касающихся непосредственно самого процесса обучения: как правильно развить навык ведения записей при таком многообразии подходов, как выбрать наиболее эффективный, стоит ли вообще останавливаться на какой-либо конкретной системе или все же необходимо поощрять студентов

[1] Для иллюстрации этого принципа Д. Селескович проводила аналогию с «пампушкой с изюмом» (“brioche aux raisins”) – то есть, вышеперечисленные элементы не должны подвергаться никакому переосмыслению и преобразованию и должны остаться в переводе либо так, как звучат (к примеру, имена собственные), либо переданы с помощью уже устоявшихся соответствий, ровно так же, как и при приготовлении пампушки изюм остается в неизменном виде.

вырабатывать свой метод фиксации основных смысловых элементов. Ответы на данные вопросы, на наш взгляд, имеют принципиальное значение, поскольку основной целью овладения этим навыком является обеспечение должного качества устного перевода.

Как показывает практика, именно индивидуальный стиль ведения записей, выработанный на основе уже существующих подходов и принципов, является наиболее эффективным решением. Представляется не совсем разумным отказываться от существенного багажа теоретических знаний и профессионального опыта, которые нашли свое отражение в различных широко известных системах записи. На многие вопросы, которые могут вставать перед будущими переводчиками при записи какого-либо звучащего текста, возможно, были уже даны исчерпывающие ответы их выдающимися предшественниками. Тем не менее переводческая запись должна быть индивидуальна, как и почерк человека, ведь все овладевают одними и теми же буквами алфавита, но при этом обладают сугубо своей манерой письма. По этой причине принято считать, что одинаковых записей одной и той же речи, представленных разными переводчиками, существовать не может. Таким образом, знакомство с существующими системами и подходами к ведению переводческой записи является важным этапом обучения этому навыку.

Важно помнить, что обучение устному переводу и переводческой записи как вспомогательному виду деятельности должно основываться на принципе комплементарности. Также следует подчеркнуть, что главный результат освоения навыка ведения переводческой записи проверяется отнюдь не с помощью диктанта на знание отдельных знаков и символов. Именно качество выполненного устного перевода дает основание объективно судить о том, насколько сформирован вышеупомянутый навык и насколько эффективен тот или иной метод ведения сокращенной записи. Если качество устного перевода не соответствует требуемому уровню, целесообразно проверить записи обучающегося. Среди основных ошибок, которые допускают студенты, можно выделить следующие: 1) пословная запись исходного текста, что свидетельствует о

необходимости дополнительной проработки умения активного слушания и смыслового анализа; 2) отсутствие логических связей; 3) окказиональные символы, которые студент не смог оперативно расшифровать на этапе ревербализации; 4) нечитабельность записей из-за спорадичности их оформления; 5) неумение сокращать слова и использовать необходимый минимум символов и знаков.

В заключение хотелось бы отметить, что роль переводческой записи как одного из ключевых инструментов устного переводчика, а также значимость правильного формирования этого навыка сложно переоценить. В данной связи представляется уместным привести слова уже упомянутого нами Ж.-Ф. Розана: «Довольно часто мэтры говорят о том, что нельзя научить устному переводу, а ведение записей зависит сугубо от личности переводчика. Однако мой опыт свидетельствует об обратном. Если основы разъяснены, то переводческой записью можно с легкостью овладеть»// “Le plus souvent, les “grands” diront que l'interprétation consécutive ne s'apprend pas et que la prise de notes est fonction de la personnalité de l'interprète. Eh bien, par expérience, je ne suis pas d'accord. Si les données de base du métier [...] existent, la prise de notes peut facilement etre assimilée” [Rozan, 1956:9]. Естественно, выработать свой стиль ведения записей в краткосрочный период вряд ли удастся, поскольку индивидуальный подход к фиксации основных смысловых элементов звучащей информации выкристаллизовывается и совершенствуется на протяжении всего периода обучения и в течение всей дальнейшей профессиональной деятельности переводчика.

Литература

1. Зубанова, И.В. Скоропись в последовательном переводе. Английский язык (с аудио- и видеоприложением). / И.В. Зубанова – М.: Р. Валент, 2016. - 216 с.
2. Миньяр-Белоручев, Р.К. Записи в последовательном переводе. / Р.К. Миньяр-Белоручев – ООО «Издательский дом «Проспект-АП»», 2005. – 176 с.

3. Сладковская, Е.Н. Основные смысловые компоненты высказывания, переводческая трансформация и запись при последовательном переводе / Е.Н. Сладковская // Смысл текста как объект перевода: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 278. - М., 1986. – С. 67 – 76.
4. Gillies, Andrew. 2017. Note-taking for consecutive interpreting. A short course. Second Edition. Oxon/New York: Routledge. – 289 p.
5. Herbert, Jean. 1952. Manuel de l'interprète: comment on devient interprète de conférences. Genève: Georg.
6. Matyssek, Heinz. 1989. Handbuch der Notizentechnik für Dolmetscher: ein Weg zur sprachunabhängigen Notation. Heidelberg: Julius Gross Verlag.
7. Rozan, Jean-François . 1956. La prise de notes en interprétation consecutive. Genève: Georg.
8. Seleskovitch, Danica. 1968. L' interprète dans les conferences internationales. Paris: Lettres Modernes Minard.
9. Seleskovitch, Danica. 1975. Langage, langues et mémoire. Paris: Lettres Modernes Minard.
10. Van Hoof, Henri. 1962. Théorie et pratique de l'interprétation: avec application particulière à l'anglais et au français. München: Max Hueber.

РУСИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 398.3

Егорова Ольга Арсеновна
Olga Egorova

Гастрономические традиции в русских народных сказках: из прошлого в настоящее

Gastronomic traditions in Russian folk tales: from the past to the present

Аннотация. В статье на материале фольклорных произведений анализируется специфика традиционной русской кухни как важной составляющей материальной культуры. Основные пищевые преференции русского народа рассматриваются в их взаимосвязи с исторической, социальной и экономической сферами жизни.

В исследовании показано, что пищевая система русских, транслируемая народными сказками, сохранила своё влияние на современное повседневное и праздничное питание. Такие блюда как щи, блины, каши, пироги не были вытеснены глобальными кухнями, а лишь претерпели незначительные рецептурные изменения и адаптировались к новым реалиям.

Abstract. The article analyzes the specificics of traditional Russian cuisine as an important component of material culture on the folklore basis. The main food preferences of the Russian people are considered in their relationship with the historical, social and economic spheres of life.

The study shows that the food system of Russians, broadcast by folk tales, has retained its influence on modern daily and festive food. Such dishes as cabbage soup, pancakes, porridge, pies were not superseded by global cuisines, but only underwent minor recipe changes and adapted to new realities.

Ключевые слова: культура, гастрономическая парадигма, фольклор, мифология, русские сказки, традиции, национальная специфика, мировоззрение, повседневная и праздничная еда

Key words: culture, gastronomic paradigm, folklore, mythology, Russian fairy tales, traditions, national specifics, worldview, every day and festive food

Статья посвящена анализу гастрономических традиций русского народа, получивших выражение в фольклорных сказках. В парадигме кулинарии народа проявляются его отношение к окружающему миру, национальная специфика, связанная со многими традициями и обычаями людей. При этом еда – неотъемлемая составляющая культурной и экономической жизни этноса – выполняет целый ряд важных социальных функций.

В современном мире изучение гастрономических преференций нации, обычаев приема пиши и способов ее сохранения чрезвычайно актуально. Как отмечает Г. Г. Молчанова, «пища в процессе исторического развития общества и конкретно в области регионоведения, этнографии, антропологии, межкультурного и межличностного человеческого общения не только играет выдающуюся роль, но и относится к важному разделу материальной культуры человечества» [Молчанова, 2013: 20]. Пищевые традиции выступают атрибутом национальной идентичности, средством социального самоопределения, формирования и эволюции общества. Пищевая картина мира связана с бытовыми устоями и нравами людей, с их национальными стереотипами, ценностями, а также с архаическими обрядами и магическими верованиями. Таким образом, еда представляет важный исследовательский интерес как источник изучения материальной и духовной культуры нации.

Кроме того, в современных политических реалиях, в условиях охлаждения отношений между Россией и западными странами гастрономические традиции народа способны выступать в качестве «мягкой силы», которая сглаживает противоречия и является драйвером налаживания отношений между государствами.

Задача данного исследования – проанализировать основную пищевую систему русского народа, раскрыть своеобразие гастрономических преференций, отражённых в фольклорных произведениях, а также выявить влияние традиционной кухни на современное праздничное и повседневное меню в России. Научная новизна исследования заключается в том, что гастрономическая парадигма русского народа рассматривается на основе одного из наиболее ценных и достоверных источников – фольклорных сказок [Тер-Минасова, 2004: 79]. Материалом исследования послужили академические издания сборников русских народных сказок, впервые опубликованные в XIX и XX веках.

Для культурологии важно изучение пищи этноса как социального феномена, являющегося проводником национальной специфики и самобытности. По мнению А. В. Павловской, еда выступает влиятельным транслятором культуры:

«Гастрономическая экспансия несет с собой и культурное влияние, дает первичное знакомство с чужой культурой… Удовольствие от еды способствует распространению позитивного образа народа, с которым она ассоциируется» [Павловская, 2018: 111].

Система питания – это важный компонент материальной культуры, в которой сохраняются традиционные элементы. Одновременно она без значительного усилия поддается ассимиляции, изменениям и новациям. Известно, что в течение столетий русский народ увеличивал свою территорию. Переселяясь на новую землю, русские люди сохраняли свои кулинарные обычаи, передавали их местным народностям и одновременно заимствовали местные продукты питания. Таким образом, происходило культурное взаимодействие в гастрономической сфере, которое нашло своё отражение в фольклорных произведениях.

Следует отметить, что в сюжетах русских сказок часто фигурируют блюда зарубежной кухни, например, традиционное китайское угощение пельмени: *Сели хозяева ужинать, посадили за стол и солдата. Они делят пельмени вилкой надвое, обмакивают в уксус и едят, закусывают хлебом* [Аникин, 2006: 632]. Примечательно, что именно подробное описание царского застолья с упоминанием множества русских и заграничных яств служит одним из инструментов создания чудесной сказочной атмосферы: *Вот стали просить, приехали гости. Как кот развернется да, вишь ты, бокал тряхнет, - откуда ни возьмись, всяких заморских вин да разных заморских закусок. Как вернет тот платок, в котором чайный бокал, и тут и чай, и всякие разные десерты, и всякие разные пироги, и всякие разные ветчины, и всего* [Алексеева: 1987: 63].

Тем не менее, несмотря на влияние мировых гастрономических традиций, русская кухня не подверглась кардинальным трансформациям. При этом пищевые преференции в значительной степени зависят от климатических условий, природных факторов, уровня развития аграрного хозяйства, животноводства и бытовых условий. Следует учитывать, что русские – это земледельческий народ, который ещё в глубокой древности освоил оптимальный для больших

пространств Восточно-Европейской равнины подсечно-огневой метод земледелия и начал выращивать такие сельскохозяйственные культуры как рожь, пшеница, овес, ячмень, горох.

Важнейший продукт питания – хлеб – пекли из пшеничной и ржаной муки. Он являлся символом благополучия, процветания и плодородия. Отсюда и большое количество русских пословиц, которые обыгрывают тему принципиальной значимости хлеба, его места в центре бытового и духовного мира: *Хлеб в пути не в тягость / Хлеб везде хорош и у нас, и за морем / Хлеб – всему голова / Хлеб да крупы на здоровье лупи / Хлеб да пирог и во сне добро* [Аникин, 2006: 316]. В фундаментальном исследовании «Русский мир» А. В. Павловская говорит о том, что «Еда без хлеба за еду не считалась. …неурожай зерна и отсутствие хлеба на столе неизбежно приводили к голоду, никакая другая пища не могла его заменить» [Павловская, 2009: 444]. Эта традиция сохранилась и до наших дней: сегодня в России в сельской местности люди не представляют свою трапезу без хлеба, хотя его незаменимость в качестве базового источника калорий осталась в прошлом.

Уважительное отношение к хлебу как главному атрибуту повседневного и праздничного меню отражается и в сказках: *Это не по-нашему: у нас нарезал хлеб да поел, еще нарезал – и то поел* [Афанасьев, 1986: 95] */ Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете* [Аникин, 2006: 67] */ Барин посмеялся и дал бедному мужику еще денег и хлеба, а богатого прогнал* [Аникин, 2006: 134].

Бытовые условия крестьян были полны сложностей и испытаний. Крестьянам зачастую не удавалось собрать хороший урожай и сделать достаточных запасов зерна на зиму в результате засухи или других погодных ненастий. Людям приходилось ограничивать себя в питании и даже голодать. Такое положение дел транслируют сказочные тексты. Мягкий белый хлеб в фольклорном сюжете – это деликатес, еда знати и царской семьи. Хлеб из пшеницы противопоставляется более дешевому изделию из ржаной муки, с целью подчеркнуть социальное превосходство, заносчивость и строптивость героев: - *Съешь моего ржаного пирожка – скажу. /* - *Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся!* [Афанасьев, 1987:188].

Образ хлеба как сакральной пищи имеет также магическое значение, относится к потустороннему миру и фигурирует во многих мифах и фольклорных произведениях [Егорова, 2019]. В «Мифологии Древней Руси» говорится о том, что «растя хлебные злаки и творя урожаи, житные духи приготавливают запасы для своего собственного пропитания, подобно тому, как пчелы запасают для себя пищу в медовых сотах» [Афанасьев, 2006: 606].

Главенствующая роль хлеба в гастрономической парадигме русских людей способствовала появлению разнообразных мучных изделий. Анализ фольклорных текстов показывает, что блины и пироги также входят в состав наиболее значимых блюд национальной русской кухни. Заметим, что выпекать блины в России начали с XV века. При этом блины выступали как в качестве обыденного крестьянского блюда, так и являлись неотъемлемым атрибутом важнейших праздников и обрядов на крестинах, свадьбах, поминках [Миненко, 1989].

Магическое значение блинов, как сакральной еды, вкушаемой за пределами земной жизни, фиксируется в традиционных формулах. Образ блинов используется при описании избушки хозяйки леса – Бабы-яги, которая «охраняет границу иного царства и вход в него» [Пропп, 2000: 206]: *Стоит избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином накрыта.* Отметим, что в этом примере наглядно прослеживается связь с обычаем, сохранившимся до наших дней: есть блины на поминках, как бы провожая человека в другой мир.

Тем не менее, в русских сказках блины редко упоминаются в качестве ритуального блюда, они чаще всего являются повседневной пищей: *Собирался мужик в поле, говорит жене: “Не пеки блинов.” А жена говорит: “Вот таки и напеку!”* [Афанасьев, 1986: 433] / *Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату. «Нет ли, – спрашивает, – чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?»* [Алексеева, 1987: 18]. Представляется, что это связано с практическими преимуществами и разнообразием способов приготовления блинов, которые легко сочетались с продуктами доступными обычным людям.

Пироги в сказках – это любимое блюдо, которым угощают званых гостей во время праздников и застолий или берут с собой в дальнюю дорогу. По словам А. В. Павловской, пироги были очень любимы на Руси, являлись своеобразным символом семейной жизни [Павловская, 2009: 451]. Пироги из ржаной или пшеничной муки с разными начинками упоминаются во многих сказочных сюжетах: *Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом* [Афанасьев, 1986: 337] / *Скоро пироги поспели; солдат забрал их в сумку, распрощался с родителями и поехал в дремучий лес* [Алексеева, 1987: 218] /– *Ну, накормишь пирогами да медом – не буду дерева рубить!* [Аникин, 2006: 57].

В русских сказках также часто описывается, как герои едят или готовят кашу. В России каша выступала любимым блюдом представителей разных сословий, она считалась вкусным, полезным и сытным блюдом: *Вот раз баба и свари каши. А уж и каша сварилась! Румяна да рассыпчата, крупина от крупины так и отваливается. Вынула баба кашу из печи, на стол поставила, маслицем сдобрила. Съели кашу и ложки облизали…* [Аникин, 2006: 686].

В сказках умение хорошо готовить – важный навык, за который щедро награждают и одаривают диковинными подарками: *Змей прилетел, съел кашу и похвалил солдата: «Ну служивый! Прежде была хороша каша, а теперь и того лучше уварилася! Выбирай себе в награду, что полюбится». Солдат глянул туда-сюда и выбрал богатырского коня и рубаху из толстого холста. Рубаха была не простая, а волшебная: только надень ее – богатырем будешь* [Аникин, 2006: 189].

Таким образом, хлеб, блины, пироги и каши составляют основу гастрономической парадигмы русских сказок, широко используются при описании быта, повседневных застолий и богатых пиршеств, актуализируют магические явления и обряды. Важно отметить, что хлебобулочные изделия, описываемые в фольклоре, выдержали конкурентную борьбу с восточными и западными аналогами, такими как лаваш и пицца. Они сохраняют свою значимость в современной отечественной кухне, выступая маркером национальной идентичности.

Помимо мучных изделий, жидкие блюда: суп, щи и уха – национальная еда русской кухни. «Щи – самое популярное и

знаменитое гастрономическое угощение» [Павловская, 2009: 456]. Они считаются полезными для здоровья и составляют основу обеденного меню. Это находит своё отражение и в сказках, где щи выступают как повседневное и праздничное блюдо: *Старуха сварила во щах гуся* [Афанасьев, 1986: 116] / *Из погреба принесла квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха. Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины [*Афанасьев, 1986: 317].

В пищевой культуре русского народа первостепенную роль играла еда растительного происхождения. В то же время мясные продукты питания относились к числу гастрономических изысков, деликатесов и лакомств. Возможность потребления мяса зависела от материального достатка людей, регламентировалась уровнем развития животноводства и птицеводства. Крестьяне с любовью и бережностью относились к своим животным, придавали им сакральное значение. По словам А. С. Сатыренко, домашняя скотина – коровы, быки, бараны попадают в орбиту образа-символа хлеб/пища [Сатыренко, 2005: 49]. В повседневном меню из мяса отваривали суп или похлебку. Для праздничного стола приготавливали различные виды мяса, домашней птицы и дичи, которые считались исконно русским угощением: *Ты приготовь барана да принеси ему на поклон* [Афанасьев, 1986: 205] / *Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печеного* [Алексеева, 1987: 104] / *Открыл он печку и достал оттуда на сковородке жареного гуся* [Афанасьев, 1986: 249].

Отдельно следует сказать о том, что в русских сказках, помимо описания реальной ситуации в области гастрономических преференций, отражается мечта народа о счастливом будущем, свободном от бытовых забот, тяжелого труда и голода. Например, в сказке «Про царскую дочь» гостей угощают с помощью волшебного предмета – графинчика-самоподавчика: *«Посадил ее во стул, а у него был графинчик-самоподавчик: сам наливает, сам и подает. Царь сказал: «Графинчик, подавай!» Графинчик выскочил изо шкафа. Сам наливает, сам и подает – сначала царю, потом царевне, не обходит и солдата!»* [Алексеева, 1987: 118].

Вероятно, что скудность продуктов питания и сложность их добычи повлияли на то, что в фольклоре повседневная еда,

такая как фрукты и овощи, становится магическим средством, с помощью которого герои меняют свой облик, приобретают сверхъестественные способности, одерживают победу над грозным противником. Так, в сказках эволюционируют и трансформируются мифологические представления о свойствах яблок, которые олицетворяли силу природы, наделялись силой плодородия и магическими свойствами, помогающими вернуть молодость, здоровье, увидеть будущее [Егорова, 2018]: *За тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками…если съесть старику это яблоко помолодеет* [Аникин, 2006: 85] / *Там в самом дальнем углу есть диковинная яблоня с золотыми скороспелыми яблонями. В один день та яблоня вырастает, на другой день зацветает, а на третий день яблони поспевают* [Афанасьев, 1986: 403].

В целом, в сказках реалистично отображается пищевая парадигма русского народа, отношение людей к материальным ценностям. Приоритетные продукты питания сказочных сюжетов, такие как хлеб, пироги, блины, суп в ретроспективе прошедших столетий продемонстрировали необычайную устойчивость, сохранили свою популярность и выступают в настоящее время основными блюдами национальной кухни. В отечественной истории было несколько колоссальных гастрономических революций. Тем не менее, сказочный стол близок современному и уступает только разнообразием блюд. Более того, некоторые, описываемые в фольклоре верования в магические свойства еды, до сих пор находят символическое отражение в привычной жизни россиян. Таким образом, гастрономические традиции – важнейший основополагающий атрибут национальной культуры, способный адаптироваться к новациям, но, по своей сути, оставаться неизменным.

Данный вывод может быть проверен на фольклорном материале народов, которые практически полностью ассимилировались этнически и культурно. Представляется, что и в этом случае традиционная кухня сохраняет своё влияние и выступает в качестве устойчивой базисной доминанты, позволяющей сохранить этносу свою идентичность.

Литература

1. Алексеева О. Б. Русские народные сказки. М.: Современник, 1987. 332 с.
2. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 2006. 208 с.
3. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М.: Наука, 1986. 495 с.
5. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
6. Егорова О. А. Лекционный курс «Мифология и фольклорная сказка: от первобытных верований к современной культуре: задачи, обучающие стратегии, содержание. // Мир педагогики и психологии. 2019. № 12 (41). С. 108-114.
7. Егорова О.А. К вопросу об актуализации мифологических представлений в фольклоре (на материале русских и британских сказок) // Litera, 2018. № 3. С. 296-303.
8. Молчанова Г.Г Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 20-26.
9. Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск: Наука, 1989. 160 с.
10. Павловская А.В. Национальная гастрономическая культура как фактор формирования позитивного образа страны // Язык, культура и "мягкая сила". Сборник научных трудов, 2018. С. 105-113.
11. Павловская А.В. Русский мир: характер, быт и нравы: в 2 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. Т. 2. 544 с.
12. Пропп В.П. Русская сказка. М.: Лабиринт. 2000. 416 с.
13. Сатыренко А.С. Образ хлеба в поэтической системе подблюдного гадания // Сборник статей: К 80-летнему юбилею профессора Владимира Прокопьевича Аникина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 48-56

14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 352 с.

УДК 81.23

Орлянская Татьяна Георгиевна
Tatyana Orlyanskaya

Специфика РКИ в Японии

Specific Nature of Russian as a Foreign Language in Japan

Аннотация. Статья посвящена особенностям преподавания русского языка как иностранного в Японии. Данная специфика обусловлена целым рядом таких внеязыковых и собственно языковых факторов, как своеобразие японского языка и японской культуры, а также характерные черты традиционной системы образования в Японии.

Abstract. The given paper focuses on the special character of teaching Russian as a foreign language in Japan. Such a specificity is attributed to several extralinguistic and linguistic factors, such as peculiarities of the Japanese culture and language, and traditional form of education.

Ключевые слова: РКИ, русский в Японии

Key words: Russian as a Foreign Language, Russian in Japan

Особенности преподавания русского языка как иностранного в японской аудитории можно разделить на 2 группы: собственно языковую и внеязыковую.

Внеязыковая специфика обусловлена особенностями японского национального характера и менталитета, а также традиционной японской формой обучения, отличающейся от принятой в других странах. Она представляет собой значительно большую сложность, поскольку может значительно осложнять учебный процесс ввиду взаимного непонимания между иностранным преподавателем и японскими студентами.

Исследователи японского языка и культуры называют японцев представителями культуры молчания, бесстрастной коммуникации и домысливания [Гуревич, 2005; Алпатов, 2008; Пронников, Ладанов1996], в которой молчаливое поведение важный фактор межличностных отношений в определённых ситуациях. Молчание - одна из добродетелей, наряду со скромностью. По этой причине у японцев не принято перебивать

говорящего. Основные поведенческие особенности японских студентов, вызывающие непонимание у преподавателей, незнакомых с японской культурой, выражаются во внешней пассивности, нежелании идти на контакт, а именно задавать вопросы или отвечать на них, и отсутствии эмоций на лицах, лишающих преподавателя понимания, воспринимается ли материал учащимися. Это может обескураживать неподготовленного к японской аудитории преподавателя.

Важной культурологической особенностью является и исторически очень высокий статус преподавателя, «сенсея», в Японии. Иерархия на всех уровнях, её понимание, и главное, понимание своего места в этой вертикальной системе координат в культурах вертикального типа с высокой дистанцией власти по классификации Г. Хофстеде, к которым относится и Япония, также имеет основополагающее значение и имеет выражение в поведении японских студентов. Студент не может перебивать преподавателя, даже если, например, все получили раздаточный материал, а он/она нет. По этой же причине не бывает вопросов преподавателю, если студенты не понимают материал или речь иностранного преподавателя. В результате преподаватель может ощибочно расценить отсутствие вопросов со стороны студентов за их полное понимание происходяшего на иностранном языке.

Кроме того, неотъемлемым фактором коллективистского японского общества является необходимость быть как все, не выделяться. Японская пословица «деру куги ва утареру» («торчащий гвоздь забивают») хорошо известна и многим иностранцам. Это также объясняет безрезультатность ожидания ответа на вопрос, обращённый к группе из 20-40 человек, поскольку в таком случае студент, осмелившийся показать свои знания, может перейти в разряд «выскочки», противопоставив себя группе. Сильный студент скорее предпочтёт скрывать свои знания или лучшее понимание материала, нежели их выказывать.

Следующей внеязыковой трудностью может являться разница темпераментов. Неэмоциональное, сдержанное и бесстрастное поведение в любых ситуациях – жизненное кредо японцев. Поэтому по-русски эмоциональное, эмфатическое и иногда настойчивое поведение иностранных преподавателей на занятиях с целью «донести материал» может не только вызвать

культурный шок и непонимание, но и поставить японца в тупик, в буквальном смысле лишив его/её дара речи, тем более что для большинства японских студентов не из крупных университетских городов уроки русского языка могут оказаться первым знакомством с «живым русским».

Важно отметить и тот факт, что возможность «потерять лицо» ввиду ненадлежащего поведения на людях - самое большое опасение японцев, неизбежно вызывающее стыд. Именно страх и стыд японцев допустить любую (неизбежную при изучении иностранного языка) ошибку является серьёзным препятствием при продуцировании иностранной речи японцами. Мне не раз приходилось слышать от японских учащихся следующее: «Я не люблю говорить, я люблю слушать». В результате в смешанной группе иностранных студентов японцы нередко могут оказаться самыми молчаливыми и с наименьшими коммуникативными навыками. По этой причине коммуникативный аспект преподавания представляет для японцев наибольшую сложность, а без него изучение иностранного языка не является полноценным.

Ещё одним значительным фактором, влияющим на атмосферу в учебной группе и на восприятие учебного материала, являются традиционные для Японии большие группы из 20-40 человек, а также пассивное изучение языка, главным образом, чтения, письма и грамматики. Эта традиция восходит к конфуцианскому взгляду на образование, когда умение читать и писать тексты представлялось наиболее важным показателем знаний ученого человека. Система оценки знаний в Японии предполагает форму письменных тестов, вследствие чего японские студенты ориентированы на пассивное восприятие лекций с целью подготовки к тесту. Особенности традиционной системы щкольного образования во многом распространяются и на преподавание русского языка японцами в университетах с чтением лекций о русском языке на японском и письменным тестированием в качестве основной формы оценивания студентов. Очень ограниченное количество академических часов на протяжении всего 1.5 лет обучения в группах по 20-40 студентов значительно усложняют учебный процесс.

Отсутствие мотивации у учащихся оказывает сильное негативное воздействие и на преподавание русского языка, и на его изучение. Японским студентам не грозит отчисление, а знание русского языка в редких случаях сопряжено с работой, в отличие от знания английского.

Основной сложностью преподавания русского языка в Японии является отсутствие положительного образа России. Эту причину называют основополагающей и японские русисты на основании проведённого анкетирования в 116 японских вузах.

Рассматривая собственно языковую специфику, очевиден тот факт, что русский и японский далеки друг от друга типологически, графически, фонетически, интонационно, грамматически и, конечно, лексически, т.е. на всех уровнях, что также значительно осложняет и преподавание, и изучение русского языка японцами.

На ритмико-интонационном уровне следует отметить сложность редуцировать звуки и, как следствие, растягивание звуков под влиянием слоговой японской азбуки катакана и хирагана. Так, например, моё имя японцы произносят следующим образом: /орурианская татиана/. Сложно догадаться, что /рабуробу/ по-японски означает Лавров. Имя Олег в речи японцев будет звучать как /орэгу/, а Игорь – /игори/.

Наиболее яркая и очень стойкая фонетическая особенность речи японцев, изучающих русский язык, - недифференцация звуков /л/ - /р/. Поскольку для японцев /л/-/р/ - аллофоны одной фонемы, произносимые /л/ или /р/ в зависимости от положения в слове. Сложность различать и правильно произносить звук /л/ – является серьёзной проблемой даже для профессоров, изучающих и преподающих русский язык на протяжении многих лет. Так, например, «лыжи» в речи японцев могут иметь форму /рыжи/, радио – /ладио/. Молодой человек приобретет форму /марадой чирабек/.

Наблюдается многочисленные фонетические ошибки за счёт межъязыковой интерференции. Отсутствие оппозиции твердых и мягких звуков также вызывает трудности.

Подобный набор ошибок не является исчерпывающим, однако типичным для русскоговорящих японцев. На лексико-

семантическом уровне одним из проблемных материалов являются приставочные глаголы.

Специфика преподавания русского языка как иностранного в японской аудитории обусловлена рядом внеязыковых и собственно языковых особенностей, связанных с характерными чертами японского языка, культуры и системой образования.

Следует отметить, что ситуация в незначительных языковых вузах с преподаванием русского как языка специальности и, соответственно, с большим количеством пар в неделю отличается в лучшую сторону по сравнению с преобладающим количеством вузов, где русский преподается как общеобразовательный предмет, как второй или третий иностранный язык 1 пару в неделю на протяжении 1,5 лет. Однако в последние годы количество японских вузов с преподаванием русского языка планомерно сокращается.

Большую роль в области распространения русского языка и русской культуры в Японии во все времена играли и играют русские преподаватели, главной целью которых являются формирование и совершенствование коммуникативных навыков учащихся наряду с формированием положительного образа России и русских.

Литература

1. Алпатов В.М. Япония. – М., 2008.
2. Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. – М., 2005.
3. Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры. Вест. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4.
4. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. – М., 1996.

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 81.33

Беляева Татьяна Рафаэловна
Tatiana Beliaeva

Атрибутивное существительное во множественном числе в многокомпонентных синтагмах английской научной речи

The plural attributive noun in multi-component syntagms in english scientific discourse

Аннотация. В статье анализируются случаи употребления существительного в атрибутивной позиции во множественном числе в полилексемных образованиях по типу N + N…+ N в научном дискурсе различной дисциплинарной направленности. Исследование причин подобного узуса позволило выявить некоторые современные тенденции в развитии английского языка науки, влияющие на появление и растущее употребление данного грамматического феномена: рост математизации научного знания, дескриптивный подход в лексикографии, вариативность лексикографической фиксации терминов, возросшее количество публикаций на Academic English as a lingua franca.

Abstract. The paper analyses syntagmatic constructions of the N + N…+ N type gleaned from texts of different disciplinary discourses, where the noun in the attributive position is used in the plural. The research revealed some current trends in the development of the English language of science influencing the emergence and increasing use of this grammatical phenomenon: the mathematisation of scientific knowledge, the descriptive approach in lexicography, the variability of term lexicographic registration, the increasing number of publications in Academic English as a lingua franca.

Ключевые слова: общенаучная лексика, академическая лексика, терминология, лексикализация, лексическая синтагма, синтаксическая синтагма, корпусная лингвистика, научный дискурс, современные тенденции

Keywords: general scientific vocabulary, academic vocabulary, terminology, lexicalisation, lexical syntagma, syntactic syntagma, corpus linguistics, scientific discourse, current tendencies

Появление методов корпусной лингвистики позволило уточнить или даже изменить представления о многих явлениях языка, в частности, о функционировании общенаучной (академической) лексики: корпусный подход к изучению общенаучных слов выявил обусловленность их функционирования в речи дисциплинарным типом дискурса на основании количественных (частотность и дистрибуция) и качественных (коллокации и семантика) показателей. Подобные наблюдения ученых-практиков в области преподавания английского языка специальности [Hyland, 2007; Полубиченко,

2019] способствовали возникновению гипотезы о том, что общенаучная лексика может являться дискурс-специфическим признаком текста, обладая особой функцией маркировать дисциплинарную принадлежность научной речи. В рамках исследования, целью которого является, в том числе, проверка данной гипотезы на широком аутентичном материале, было проанализировано функционирование общенаучных лексических единиц в их естественной контекстной среде при помощи корпусного менеджера Word and Phrase Академического подкорпуса COCA (Corpus of Contemporary American English) [Davies, 2012]. Оснащенный рубрикацией по дисциплинам естественнонаучного и гуманитарного циклов, интерфейс корпусного менеджера (www.wordandphrase.info) структурно и функционально разбит на 9 подкорпусов (History, Education, Social Science, Law, Humanities, Philosophy, Science and Technology, Medicine и Business and Finance [Gardner, Davies, 2013]) и позволяет провести сопоставительный частотный анализ искомых единиц лексики, их коллокаций и коллигаций, а также семантический анализ на материале соответствующих запросу примеров в конкордансе по всем представленным дисциплинарным дискурсам. Выборка анализируемых лексических единиц и определение их «общенаучного» статуса осуществлялись согласно критерию их наличия в обоих списках академической лексики – Academic Vocabulary List (AVL) [Gardner, Davis, 2013] и Academic Word List (AWL) [Coxhead, 2000], являющихся на данный момент наиболее авторитетными и широко применяемыми в практике преподавания английского языка.

В ходе анализа коллокаций исследуемых общенаучных существительных в разных типах дисциплинарного дискурса были выявлены случаи употребления формы множественного числа существительного в атрибутивной позиции в составе двух- и более компонентных синтагматических конструкций: *systems analysis, methods course, analyses results, value aspects approach, field systems analysis methodology, etc*.

Сложные образования различных типов крайне распространены в научной прозе и являются одной из ее характерных особенностей, так как в полной мере отражают

задачи научной коммуникации – передавать комплексные понятия в краткой форме: теоретические положения, изложение которых требует использования сложных номинативных и синтаксических конструкций, нередко включающих придаточные предложения, «запаковываются» [Halliday, 2004] в более компактный и лексически более «плотный» вариант (lexically dense), – метод, в том числе используемый при формировании новых полилексемных терминов [Тер-Минасова, 1970; Akhmanova, 1974; Айтмухамедова, 2000; Эздекова, 2003], к наиболее продуктивным способам образования которых в английском языке относятся атрибутивные словосочетания и “нестойкие сложные слова” (на долю двухкомпонентных образований подобного типа в английском языке приходится 40,3% и 39,6% соответственно) [Чернышова, 2010: 146]. Некоторые исследователи самыми продуктивными в английском языке считают образования по типу нестойкого сложного слова [Bauer et al. 2013: 451]. Интересно, что в современном российском терминоведении полилексемные терминологические образования данного типа относят к синтаксическим, при этом С.В. Гринев-Гриневич [Гринев-Гриневич, 2008: 148] отмечает, что согласно диахроническому анализу, английским сложным терминам свойственна тенденция к постепенному «слиянию компонентов», степень которого формально выражается сначала в дефисном, а затем и в слитном написании: такой процесс занимает в среднем около 120 лет (например, 1583 г. – earth quake, 1635 г. – earth-quake, 1719 г. – earthquake) [ibid.].

В мировом лингвистическом сообществе до сих пор нет единого мнения относительно того, чем следует считать образования со структурой N+N – словосочетаниями или сложными словами, и чем является первый компонент данных образований – существительным, выступающим в роли препозитивного определения (Г. Суит, Б.А. Ильиш), основой существительного, подвергшегося адъективации и функционально, содержательно и синтаксически уподобившегося прилагательному (О. Есперсен, Д. Кристал, В.М. Лейчик, С.В. Гринев-Гриневич), или одной из основ нестойкого сложного слова (А. И. Смирницкий, О.С. Ахманова, Е.Б. Яковлева, Л.А. Чернышова). Как показал анализ

исследований последних лет на эту тему, в западной лингвистической традиции термин «N+N compound» используется для обозначения всех конструкций, состоящих из двух и более последовательно употребляющихся существительных (“compounding is a word formation process based on the combination of lexical elements (words or stems)” [ten Hacken, 2017: par. 1]), в которых один компонент меняет значение другого, или совокупное значение компонентов отличается от самостоятельного значения каждого по отдельности [Tarasova, 2013; Bauer, 2018]. Возрастающее употребление множественного числа существительного в атрибутивной позиции в конструкциях данного типа не только привлекло внимание лингвистов с середины прошлого века как противоречащее традиционной прескриптивной английской грамматике [Swan, 2005; Crystal, 2010], но и по сей день остается центральной темой целого ряда исследований, в том числе, с применением подходов генеративной и когнитивной лингвистики (S. Pinker, P. Kiparsky, P.Gordon и другие).

А. И. Смирницкий, обращая внимание на наличие в английском языке образований типа *goods circulation, goods car, goods train*, рассматривает их как «случаи лексикализации форм числа», где *-s* выступает не в качестве форманта множественного числа, а в качестве словообразующего суффикса, который подобен «*-ing* в *working-man*» [Смирницкий, 1998: 122]: формант *-s* связывается уже не «с чисто грамматическим различием в формах одного и того же слова, а оказывается средством выражения лексического, вещественного различия и тем самым создает другое слово, выступающее в качестве омонима по отношению к соответствующим словоформам множественного числа» [Смирницкий, 1998: 111]. Приводя примеры такой лексикализации формы множественного числа (*colour* – цвет, *colours* – полковое знамя; *look* – взгляд, вид, *looks* – внешность; *attention* – внимание, *attentions* – ухаживание и пр.), А. И. Смирницкий указывает на то, что «суффикс *-s* не обозначает отношение понятия < ... > более чем к одному предмету», а «известное число или, вернее, комплект предметов в силу тех или других объективных причин осмысляется как некоторый особый предмет» [Смирницкий, 1998: 37].

Согласно полученным в ходе настоящего исследования квантитативным данным, в двухкомпонентных конструкциях типа N + N наиболее частотны случаи употребления формы множественного числа существительного *system* (***systems*** *analysis,* ***systems*** *assurance,* ***systems*** *approach etc.*), наряду с которыми в научных текстах представлены варианты синтагм аналогичного лексического наполнения с *system* без форманта множественного числа (в таблицах 1 и 2 представлены наиболее частотные коллокации с существительным *system* в адъективной позиции по всему спектру предлагаемых в корпусном менеджере Word and Phrase дисциплинарных дискурсов с соответствующими частотами в единицах на миллион словоупотреблений – *ipm*).

Таблица 1. Двухкомпонентные синтагматические последовательности типа N + N с существительным *system* в атрибутивной позиции в форме единственного числа.[1]

N + N	His ipm	Edu ipm	Soc ipm	Law ipm	Hum ipm	Phil ipm	Sci ipm	Med ipm	Bus ipm
system analysis	0,1	0,2	0,2	0,1	-	-	**0,7**	0,1	0,1
system approach	0,3	-	0,1	0,1	**0,9**	-	0,3	-	-
system design	0,2	**2,5**	0,1	0,4	0,1	0,2	**6,0**	**2,1**	0,2
system designer	0,1	0,1	-	0,1	-	0,1	**1,3**	0,3	0,2
system development	-	-	0,1	-	-	-	**3,3**	0,8	0,1
system engineering	-	-	-	-	-	-	**0,4**	0,3	-
system integration	0,1	0,1	-	-	-	-	**0,7**	1,1	-
system investment	-	-	-	-	-	-	-	**0,3**	-
system model	-	0,1	0,2	-	-	-	**0,6**	0,1	-
system perspective	-	0,1	-	0,1	-	-	0,1	-	-
system reliability	-	-	-	-	-	-	1,1	0,1	-
system research	-	-	0,1	0,1	-	-	**0,4**	0,1	-
system software	-	-	0,1	0,1	-	-	**1,1**	0,5	**0,9**
system technology	0,1	-	-	-	-	-	**0,9**	0,1	0,2
system theory	-	**0,2**	**0,2**	-	0,1	0,1	**0,2**	-	-

[1] His – исторический дискурс, Edu – педагогический дискурс, Soc – социологический дискурс, Law – юридический дискурс, Hum – гуманитарный дискурс, Phil – дискурсы философский, религиозный, психологический, Sci – научно-технический дискурс, Med – медицинский дискурс, Bus – дискурс бизнеса и финансов. Представленная в таблице последовательность колонок соответствует их расположению в интерфейсе Word and Phrase

Таблица 2. Двухкомпонентные синтагматические последовательности типа N + N с существительным *system* в атрибутивной позиции в форме множественного числа.

N + N	His ipm	Edu ipm	Soc ipm	Law ipm	Hum ipm	Phil ipm	Sci ipm	Med ipm	Bus ipm
systems analysis	**0,8**	**0,7**	0,1	0,3	-	0,4	**2,4**	0,5	0,1
systems analyst	0,1	-	0,1	0,1	-	-	**0,4**	-	0,3
systems approach	0,3	**1,9**	0,2	0,2	0,3	0,4	**0,9**	1,9	-
systems decision	-	-	-	-	-	-	**0,7**	-	-
systems design	-	**0,6**	-	-	-	-	**1,4**	-	0,2
systems designer	-	0,1	-	-	-	-	**1,3**	0,1	-
systems development	0,1	-	0,1	0,1	-	-	**2,9**	0,2	0,1
systems engineering	-	0,1	-	-	0,1	-	**1,7**	0,5	0,2
systems integration	0,1	**0,9**	-	0,2	-	-	0,4	-	**0,7**
systems investment	-	-	-	-	-	-	**1,5**	0,1	-
systems perspective	0,0	0,4	0,4	0,1	0,2	0,3	0,2	**0,6**	-
systems reliability	-	-	-	-	-	-	**2,7**	-	-
systems science	-	-	-	-	0,4	-	**0,6**	-	-
systems software	-	-	-	-	-	-	**0,4**	-	0,2
systems theory	-	**2,5**	**1,5**	0,6	1,0	**2,5**	0,5	0,6	-

Так как к одному из основных способов словосложения для выражения сложных понятий и создания полилексемных терминов во всех германских языках относятся лексические синтагмы, функционально «уподобляющиеся» в процессе лексикализации сложному слову [Смирницкий, 1998: 208], обратимся, руководствуясь представленными в таблицах 1 и 2 частотными данными, к новейшим терминологическим словарям тех дисциплин, в которых выявленные коллокации представлены наиболее широко (в таблицах соответствующие числовые выражения частотности выделены полужирным шрифтом), с тем чтобы проверить их статус. Для максимальной унификации исходных данных было решено использовать словари одного издательства – Oxford University Press, обладающего достаточными ресурсами, чтобы ежегодно выпускать лексикографическую литературу высочайшего академического уровня, отражающую современное состояние науки по различным дисциплинарным направлениям.

Согласно терминологическим словарям по информатике, статистике, биологии, психологии и некоторым другим наукам, выясняется, что в состав многих полилексемных синтагматических образований, встречающихся в языке науки, входит терминологическая лексика математики, которая в разных ее прикладных проявлениях (таких как математическая статистика, общая теория систем, теория информации, IT технологии и т.д.) становится неотъемлемым компонентом растущего числа исследований в биологии, медицине, социальных науках, психологии, экономике и многих других областях научного знания.

Словарная статья к ***systems analysis*** в Oxford Dictionary of Computer Science [Butterfield et al., 2016] раскрывает значения не только данной

терминологической синтагмы, но и других терминологических единиц, представленных в таблицах 1 и 2: the analysis of the role of a proposed system and the identification of a set of requirements that the system should meet, and thus the starting point for ***system design*** < ... > those involved in software development are often classed as either ***systems analysts*** < ... >". Интересно отметить, что для термина «системное программное обеспечение» ("the totality of software required to produce a system acceptable to end users") словарь предлагает два варианта – ***systems software*** и ***system software,*** в то время как ***system design*** представлен строго в одном варианте, как и ***systems analysis*** или ***systems analysts.*** Словарная статья к термину ***systems engineering*** раскрывает не только его значение, но и значение термина *system* во множественном числе ("a form of engineering that addresses systems at a high level of abstraction prior to determining the particular engineering disciplines that will be appropriate in satisfying the system's requirements

< ... > a very wide topic, ranging much wider than computer-based systems; it includes, for example, the study of social systems, economic systems, and ecological systems"), которое дополняется в статье к термину ***systems theory*****:** "the study of *systems* in themselves, usually to find characteristics common to all systems or to classes of systems. < ... > Systems theory has been called the study of organized complexity" [Butterfield et al., 2016]. Таким образом,

systems, являясь компонентом представленных составных терминов, получает значение системы систем, метасистемы – понятия, сформированного в рамках общей теории систем, предлагающей системный анализ, который, обобщая методологию исследования сложных технических и социальных систем, становится меж- и наддисциплинарным методом.

Следуя теории А. И. Смирницкого, можно предположить, что форма множественного числа общенаучного существительного *system* служит для обозначения нового понятия из области теории систем и компьютерных технологий: *суффикс -s* (в подобных случаях А. И. Смирницкий рассматривает - *s* именно в качестве суффикса, а не флексии [Смирницкий, 1998: 111]) является маркером новой семантики, нового pluralia tantum.

Корпусное исследование дисциплинарных подкорпусов академической части COCA позволило выявить широко употребляющиеся в языке естественнонаучных и точных дисциплин трехкомпонентные синтагмы (*family systems theory / therapy; general systems theory / courses; information systems assurance / course / research / section; systems analysis failure / methods / process; computer systems analysis; principal components analysis / factor / extraction / result / method / model / solution; random effects model / regression / growth / distribution; world systems analysis, etc.*), а также четырех- и более компонентные образования (*significant repeated measures main effect; multivariate / two-way / one-factorial repeated measures analysis; mixed-design repeated measures anova; field systems analysis methodology; water systems analysis group; air systems analysis method; information systems assurance / community / research / arena / services; significant random effects component; exploratory / categorical principal components analysis; Varimax Rotated Principal Components Analysis; separate / principal components factor analysis, etc.*), в которых один из компонентов представлен существительным в атрибутивной позиции во множественном числе. Семантико-синтаксический анализ таких полилексемных образований позволил установить, что часть из них является терминами (например, ***systems theory*** [Butterfield et al., 2016], ***family systems theory*** [Qualls et al., 2019], ***information systems***

[Butterfield et al., 2016], ***repeated measures*** [Upton, 2014], ***random effects*** [Hashimzade, 2017]), а часть – соположением двух- и трехлексемных терминов с различными модификаторами (как терминами определенных дисциплин, так и общенаучными существительными). Анализ материала продемонстрировал, что в многокомпонентных номинативных образованиях существительное во множественном числе оказывается в атрибутивной позиции по отношению к следующему за ним существительному, являясь частью полилексемного термина одной из областей прикладной математики, который в сочетании с терминологией педагогических, естественных, психологических, точных и социологических наук, а также в сочетании с общенаучной лексикой образует различные многокомпонентные номинативные образования.

Каждой конкретной отрасли научного знания присущи собственные эпистемологические и социальные практики, обуславливающие способы интерпретации реалий и специфические лексические, грамматические и риторические ресурсы для конструирования специализированного знания [Hyland, 2011]. В текстах психологических, педагогических, медико- биологических и пр. дисциплинарных дискурсов, где необходимы сбор, графическое представление, анализ и интерпретация количественных данных, особенно широко представлена статистическая терминология. В ее состав входят существительные во множественном числе как в качестве отдельнооформленных терминов, так и в роли компонента полилексемных терминологических образований (*clusters; contrasts; linear constraints; random effects; areal coordinates; components of variance model; Bartlett's test for eigenvalues, etc*.), что маркирует прежде всего дискурсы естественнонаучной и технической направленности.

Вследствие широкого использования в академическом английском статистических терминов, было решено провести квантитативно-квалитативное исследование вокабул Оксфордского словаря статистических терминов [Upton et al., 2014]. Данный анализ позволил, во-первых, установить наличие в составе данной терминосистемы многокомпонентных терминологических единиц (*time- reversible stationary chain;*

receiver operating characteristic curve; Poisson approximation to the binomial distribution, etc.). Во-вторых, в составе терминов статистики (как однокомпонентных, так и многокомпонентных) было выявлено значительное количество терминологизировавшихся общенаучных лексических единиц, представленных в списках академической лексики AWL и AVL. Наконец, часть из этих терминологизировавшихся общенаучных лексических единиц лексикографически фиксируется во множественном числе и в качестве отдельнооформленных терминов, и в качестве компонента сложных терминологических синтагм. Так, 328 лексических единиц, являющихся терминами статистики, зарегистрированы в Academic Vocabulary List в качестве общенаучных (причем 15 из них представлены в словаре статистики в формах и единственного, и множественного числа – *model, measure, value, method, distribution, transformation, attribute, effect, state, contrast, degree, total, limit, system, equation*), что составляет более 10 % данного академического списка [Gardner, Davis, 2013], а 138 лексических единиц-терминов входят в качестве общенаучных в состав Academic Word List [Coxhead, 2000], что составляет более 7 % списка, причем большинство общенаучных единиц, получивших терминологический статус в статистике, входят в состав сразу нескольких терминологических синтагм этой дисциплины, проявляя тем самым особую активность в терминообразовании. Например, ***model***, являясь самостоятельным термином статистики, входит также в состав 86 терминологических синтагм (*additive model, directed graphical model, model selection procedure*, etc.); ***effect*** – в состав 11 сложных терминов (*random effects, carry-over effect,* etc.); ***limit*** – в состав 6 терминологических синтагм (*average outgoing quality limit, central limit theorem, specification limits,* etc.); ***measure*** – в состав 7 и т.д. Квантитативно- квалитативный анализ терминов статистики позволяет еще раз обратить внимание на то, что общенаучная лексика служит «языковым субстратом термина», и, учитывая, что «исходная внутренняя форма термина, способ представления его значения, его мотивированность определяются в конечном счете его языковым субстратом» [Лейчик, 1986: 90], знание семантики общенаучного слова может способствовать

пониманию как существующих терминов, так и терминологических неологизмов, что особенно актуально в связи с углублением и расширением научного знания, которые закономерно приводит к появлению новых терминов.

Реальное речевое употребление полилексемных статистических терминов демонстрирует вариативность в использовании форм единственного и множественного чисел существительного в атрибутивной позиции, в некоторых случаях даже при наличии четкой лексикографической фиксации термина в одном варианте, как, например, в случае с ***repeated measures,*** зарегистрированном в качестве термина статистики в специальных словарях по целому ряду различных дисциплин. Данный вариант представлен в словарях не только в двух- и трехкомпонентных конструкциях (***repeated measures*** *data,* ***repeated measures*** *design*), но и в развернутых терминологических словосочетаниях (***repeated-measures analysis of variance***) [Colman, 2015], где помета *n.* указывает на лексикализацию целой конструкции, осмысление данного словосочетания в качестве сложного существительного, что соотносится с системно-функциональным подходом М.А.К. Халлидея, рассматривающего «упаковывание» сложных синтаксических конструкций в единую номинативную единицу и номинализацию действий и процессов как грамматическую особенность языка науки [Halliday, 2004].

В отличие от *repeated mesures*, лексикографическая регистрация еще одного термина статистики ***principal-components analysis*** [Upton et al., 2014] непоследовательна: словари информатики [Butterfield et al., 2016], эпидемиологии [Porta, 2014], геологии [Allaby, 2020], средств массовой коммуникации [Chandler, 2020], а также общий словарь английского языка, где, также используется помета *n.,* указывающая на частеречную принадлежность [Stevenson, 2010], фиксируют данный термин без форманта множественного числа у существительного *component*; в словарях же по нутрициологии [Bender, 2014], психологии [Colman, 2015], общественной географии [Rogers et al., 2013], экономике [Hashimzade et al., 2017], прикладной ботанике [Allaby, 2019] и т.д. представлен вариант ***principal-components analysis***, причем, в словаре по

психологии данный термин также сопровождается пометой *n.* [Colman, 2015].

Исследование некоторых случаев английского речевого употребления существительного в атрибутивной позиции во множественном числе в синтагмах по типу N + N…+ N в текстах различных научных дискурсов позволило обратить внимание на некоторые тенденции развития современного английского языка науки.

Структурный анализ многокомпонентных номинативных образований в языке различных дисциплинарных дискурсов выявил в их составе наличие моно- и полилексемных терминов различных областей и дисциплинарных ответвлений математики, влияние которой неуклонно возрастает с конца прошлого века в связи с процессами активного междисциплинарного взаимодействия и применения принципов и методов прикладной математики в исследованиях естественных, точных и социологических наук.

Терминосистемы различных дисциплинарных направлений прикладной математики характеризует наличие как отдельнооформленных терминов- существительных во множественном числе, так и сложных терминологических синтагм, в которых такое существительное является одним из компонентов, выступая при этом либо в роли определителя (дескриптора), либо в функции определяемого слова.

Настоящее исследование продемонстрировало, что многокомпонентные терминологические синтагмы, в основе которых лежат математические термины, способствуют созданию лексической плотности, свойственной текстам точных, естественных, психологических и педагогических наук, которая отличает их от текстов таких дисциплин гуманитарного цикла, как история, филология, культурология или философия.

Корпусные исследования фактического употребления многокомпонентных номинативных синтагм в научной речи широкого спектра дисциплин продемонстрировали вариативность использования существительного в атрибутивной позиции во множественном или единственном числе, которая также наблюдается и в лексикографической фиксации терминов прикладной математики. Данное обстоятельство,

проиллюстрированное на примере словарной продукции последних лет одного из наиболее авторитетных в мире издательств, Oxford University Press, объясняется господствующей в современной лексикографии тенденцией к фиксации реального речевого употребления (дескриптивизму), когда тот или иной словарь создается на базе корпуса соответствующей предметной тематики, и отказом от попыток строгой регламентации даже в языке науки (https://languages.oup.com/about-us/how-we-create-language-content/).

Процессы глобализации и роль английского языка в качестве средства международного интеллективного общения (Academic English as a lingua franca) приводят к тому, что английский подвергается влиянию других языков, в том числе из-за доминирования научных публикаций, особенно в математике и других точных и инженерных науках, авторы которых не являются носителями английского языка, а также из-за все возрастающего количества последних в «сообществе редакторов и рецензентов» [Flowerdew, 2019: 258]. Все большее распространение употребления множественного числа в номинативных конструкциях, далеко не всегда объяснимое лексикализацией формы множественного числа, является одним из примеров такого влияния не только в рассматриваемом в настоящей статье научном регистре речи, но и в обиходном словоупотреблении [Swan, 2005; Crystal, 2010]. Таким образом, непоследовательность как в реальном речевом употреблении, так и в лексикографической фиксации терминологических синтагм исследуемого типа наглядно иллюстрирует справедливость высказанных А. И. Смирницким еще в 1950-е годы мыслей о том, что вопрос выбора между синтаксическим и лексическим способами образования языковых синтагм представляет собой проблему самого английского языка, а не его исследователей [Смирницкий, 1998: 114 – 136], и пока она, похоже, не решается, а лишь приобретает дополнительную остроту и актуальность.

Литература

1. Айтмухамедова Д.И. Лексическая синтагматика как объект заимствования: Дис канд. филол. наук. М., 2000.

2. Лейчик В.М. О языковом субстрате термина. Вопросы языкознания, 5. Изд-во «Наука».1986.
3. Полубиченко Л.В. Общенаучная лексика в составе научного дискурса: новые возможности изучения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск: ДВГУПС, 2019. Т. 16. Выпуск 1. С. 26-30.
4. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: МГУ,1998.
5. Тер-Минасова С.Г. Синтез продуктивных и полупродуктивных словосочетаний и вопрос о «логике языка»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
6. Чернышова Л.А. Отраслевая терминология в свете антропоцетрической парадигмы: Монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2010.
7. Эздекова Л. Б. Семантико-синтаксические свойства и типы именных терминологических словосочетаний (на материале экономической терминологии): Дис канд. филол. наук. Пятигорск, 2003.
8. Akhmanova O. (ed.). Word-Combination; Theory and Method. M., 1974.
9. Allaby, M. (2020). A Dictionary of Geology and Earth Sciences. Oxford:OUP.
10. Allaby, M. (Ed.) (2019). A Dictionary of Plant Sciences. Oxford: OUP.
11. Bauer, Laurie & Lieber, Rochelle & Plag, Ingo. 2013. The Oxford reference guide to English morphology. Oxford: OUP.
12. Bauer, L. (2018). Compounds and multi-word expressions in English. Complex lexical units. Berlin, Boston: De Gruyter.
13. Bender, D. A (2014) Dictionary of Food and Nutrition. Oxford: OUP.
14. Butterfield, A., Ngondi, G., Kerr, A. (Eds.). (2016). A Dictionary of Computer Science. Oxford: OUP.
15. Chandler, D., & Munday, R. (2020). A Dictionary of Media and Communication. Oxford: OUP.

16. Colman, A. (2015). A Dictionary of Psychology. Oxford: OUP.
17. Coxhead, A. (2000). A New Academic Word List. TESOL Quarterly, 34(2), 213-238. doi: 10.2307/3587951
18. Crystal, D. (2010). “On plural adjectives.” Blog post on D C blog. Accessed December 27, 2020. http://david-crystal.blogspot.com/2010/05/on-plural- adjectives.html
19. Flowerdew, J. (2019). The linguistic disadvantage of scholars who write in English as an additional language: Myth or reality. Language Teaching, 52(2), 249–260. https://doi.org/10.1017/S0261444819000041.
20. Gardner, D., Davies, M. A New Academic Vocabulary List, Applied Linguistics, Volume 35, Issue 3, 2014, Pages 305–327.
21. Halliday, M. A. K. (2004) The language of science. Continuum: London, NY.
22. Hashimzade, N., Myles, G., & Black, J. (2017). A Dictionary of Economics. Oxford: OUP.
23. Hyland, K. (2007) Is There an "Academic Vocabulary"? TESOL Quarterly 41(2) DOI: 10.1002/j.1545-7249.2007.tb00058.x
24. Hyland, K. (2011). Disciplines and discourses: Social interactions in the construction of knowledge. In D. Starke-Meyerring, A. Paré, N. Artemeva, M. Horne, and L. Yousoubova (Eds.), Writing in the knowledge society. West Lafayette, IN: Parlor Press and The WAC Clearinghouse. pp 193-214.
25. Knight, B. (Ed.). (2019). The Oxford Encyclopedia of Psychology and Aging. Oxford: OUP.
26. Porta, M. (2014). A Dictionary of Epidemiology. Oxford: OUP.
27. Qualls, S., & Edwards, L. (2019). Family Systems Theory. In The Oxford Encyclopedia of Psychology and Aging (Knight, B. ed.). Oxford: OUP.
28. Rogers, A., Castree, N., & Kitchin, R. (2013). A Dictionary of Human Geography. Oxford: OUP.
29. Stevenson, A. (Ed.). (2010). Oxford Dictionary of English. Oxford: OUP.

30. Swan, M. (2005). What is happening in English? English Teaching Professional, Pavilion Publising and Media Ltd.
31. Tarasova, Elizaveta. (2013). Some new insights into the semantics of English N+N compounds. Wellington: Victoria University of Wellington. (Doctoral dissertation.)
32. ten Hacken, P. (2017). Compounding in Morphology. Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. Retrieved 30 Dec. 2020, from https://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.00 01/acrefore-9780199384655-e-251.
33. Upton, G., Cook, I. (2014). A Dictionary of Statistics. Oxford: OUP.

УДК 81

Варова Вера Витальевна
Vera Varova

Политическая неординарность: стилистические средства создания образа политика современности (на примере материалов Всемирного экономического форума в Давосе 2020 года)

Political originality: stylistic means of contemporary politician image creating (by example of the World Economic Forum in Davos 2020)

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа современного политика: структурным особенностям его речевого взаимодействия с аудиторией. Изучаются и анализируются основные стилистические средства, создающие модель языкового поведения политика в социуме. Материалом для исследования послужили материалы Всемирного экономического форума в Давосе 2020 г. В исследовании проводится анализ выступлений президента США Дональда Трампа; федерального канцлера Германии Ангелы Меркель и председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен. Инструментом для проведения квантитативно-семантического анализа материала послужил сервис Miratext (https://miratext.ru/).

Abstract: The article is devoted to the study of the image of a modern politician: the structural features of his speech interaction with the audience. The main stylistic means that

create a model of behavior of a politician in society are studied and analyzed. The materials for the study were the materials of the World Economic Forum in Davos 2020. The study analyzes the speeches of US President Donald Trump, German Federal Chancellor Angela Merkel and European Commission President Ursula von der Leyen. The Miratext service served as a tool for quantitative semantic analysis of the material (https://miratext.ru/).

Ключевые слова: речевой образ политика, стилистические средства, экономический форум, семантический анализ, дискурс экономических форумов, языковая личность, политическая неординарность

Keywords: politician's speech image, stylistic means, economic forum, semantic analysis, economic forum discourse, linguistic personality, political unconventionality

Введение

Современные реалии жизни диктуют обществу свои правила выживания. 2020 год не стал исключением. Год тяжёлый, сложный для всего человечества. Обстоятельства испытывают социум на прочность – пандемия вмешалась в планы человечества, нарушила эмоциональное равновесие, но, тем не менее, закалила и сделала сильнее. Примером может стать проведение в 2020 г. юбилейного 50-ого Всемирного экономического форума в Давосе под девизом «Заинтересованность сторон за сплочённый и устойчивый мир». Никакие сложности и препятствия не смогли остановить его проведение. На форуме выступало множество делегатов, но особое внимание привлекают речи политиков на юбилейном пленарном заседании, что позволяет рассмотреть лингвистические и экстралингвистические особенности их выступлений.

Целью работы является анализ структуры речевого этикета современного политика. Исследуется выборка речей (транскриптов) таких выступающих, как: президент США Дональда Трамп; федеральный канцлер Германии Ангела Меркель и председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. Исследование проводится средствами SEO-анализа с последующей интерпретацией результатов лингвостатистической обработки текстов. Языки выборки для проведения исследования: русский, английский, немецкий. По результатам исследования будет дано определение политической неординарности и её роли в создании образа современного политика.

В современном обществе отмечаются тенденции к возрастающей значимости политических коммуникаций,

которые вызваны усилением демократизации социального и политического устройства государства. Несмотря на это, особенности политической коммуникации остаются недостаточно изученными для того, чтобы составить подробную характеристику специфики данного явления.

При анализе подготовленной политиками речи для выступления можно выявить тактики и стратегии, которые являются наиболее популярными в политических кругах для убеждения больших групп людей. Исследование данных выступлений помогает не только спрогнозировать дальнейшие действия того или иного политического деятеля, но и выявить наиболее эффективные способы воздействия на слушателей [Михалева, 2002]. Для того чтобы понять политическую мотивацию лидера, необходимо составить речевой портрет. Но, прежде всего, обратимся к понятию «языковая личность».

Термин «языковая личность» сегодня является одним из самых востребованных в лингвистических исследованиях, имеющих антропологическую направленность в психолингвистике, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистике, лингвоперсонологии и др. Данное понятие может быть определено как «совокупность черт, определяющих речевую деятельность индивида» [Рогова, 2014].

Впервые словосочетание «языковая личность» в отечественной лингвистике появилось в работе В.В. Виноградова «О художественной прозе» в 1930 г., однако исследователь не позиционирует его как научный термин и предметно не разрабатывает. Лишь в 1980-е гг. понятие языковой личности было введено в научный обиход Г.И. Богиным и Ю.Н. Карауловым. Богин Г.И. в работе «Современная лингводидактика» определил языковую личность как того, «кто присваивает язык», т. е. того, «для кого язык есть речь» [Богин, 1980]. Ю.Н. Караулов в исследовании «Русский язык и языковая личность» дал определение, ставшее базовым и определившее развитие антрополингвистики на многие годы вперед: «совокупность (и результат реализации) способностей индивида к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б)

глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 2003: 245].

Очень важно отметить тот факт, что речевое портретирование родилось как социолингвистическое исследование в середине 60-х гг. XX в., благодаря М.В. Панову, разработавшему фонетические портреты ряда политических деятелей, писателей, ученых XVIII – XX вв. [Панов, 1990]. Впоследствии эта идея была развита другими лингвистами (Т.Г. Винокуром, Е.А. Земской, Т.И. Ерофеевой, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Т.М. Николаевой и др.) и вылилась в целое направление социолингвистического портретирования, предполагающего, что речь отдельной личности в большей или меньшей степени содержит типичные черты определенной социальной категории. В этой связи было введено Т.М. Николаевой и поддержано Л.П. Крысиным понятие «диагностирующего пятна» – социально маркированного способа выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения [Николаева, 1991; Крысин, 2004].

Создание речевого портрета политика – актуальное направление лингвистики, во многом обусловленное тем, что политики имеют регулярный опыт публичных выступлений и сложившийся речевой имидж. При выборе рабочей модели для речевого портретирования лингвополитологи идут различными путями. Многие из них опираются на структуру, разработанную Ю.Н. Карауловым, анализируя три уровня языковой личности: вербально-семантический уровень; когнитивный уровень; прагматический уровень. Ряд исследователей предлагает собственные модели речевого портрета политика. Так, например, О.И. Асташова, рассматривая речевой портрет политика как динамический феномен, обосновала выделение модели, соотносимой с естественной параметризацией человека: человек в отношении к миру (ментальный параметр), человек в отношении к другим людям (поведенческий параметр), человек в отношении к себе (индивидуально-речевой параметр) [Асташова, 2013]. Можно также придерживаться и другой модели исследования речевого портрета политика, а именно, включающей в себя две составляющие: содержательное основание и коммуникативную составляющую. Содержательное

основание – это подготовленная речь политика, информативная часть текстов. Коммуникативная составляющая – предпочтения исследуемой личности в разных аспектах политической коммуникации. В настоящем исследовании мы рассматриваем языковую личность политика как динамический феномен, который может быть описан с точки зрения моделей речевого поведения, способов речевого маневрирования, приемов достижения коммуникативной цели.

Описание материала и методов исследования

Языковым источником данного исследования послужили архивные материалы выступлений и медиатекстов юбилейного 50-го Всемирного экономического форума в Давосе. Хронологические рамки для случайной выборки – 2020 год. Языковой материал, подвергшийся анализу, – полученные автором транскрипты фрагментов медиатекста: аудиовидеозаписей прямых трансляций выступлений, представленных на порталах форума, а также прослушанный оригинальный текст на английском и немецком языках. Общая продолжительность анализируемых фрагментов более 20 минут.

Краткая историческая справка по проведению Всемирного экономического форума в Давосе 2020 г.

2020 год стал юбилейным для Всемирного экономического форума в Давосе. Он собрал около 3000 участников из 117 стран мира, в том числе глав 53 государств. Ниже представлена таблица, в которой кратко освещены основные сведения по проведению экономического форума (см. Табл. 1).

Таблица 1 – Всемирный экономический форум 2020 года/ World Economic Forum 2020

Период проведения	**Девиз форума**	**Ключевые представители пленарного заседания форума**	**Основная тематика выступлений**	**Модератор**

21-24 января 2020 г.	«Заинтересованности сторон за сплочённый и устойчивый мир»	Президент США **Дональд Трамп**; Федеральный канцлер Германии **Ангела Меркель** и Председатель Еврокомиссии **Урсула фон дер Ляйен**	Безработица; Инвестиции; Экологические проблемы; Цифровизация; Юбилей форума.	Президент Всемирного экономического форума в Давосе **Клаус Мартин Шваб**

В 2020 г. девизом Всемирного экономического форума в Давосе стал «Заинтересованность сторон за сплочённый и устойчивый мир» (Stakeholders for a cohesive and sustainable peace), тем самым на вербальном уровне была затронута тема мировой безопасности (*global security*), сотрудничества (*cooperation*), содействия (*assistance*), достижения миропорядка в обществе (*achieving social peace*).

Обсуждение результатов

Для анализа были отобраны речи трёх ключевых фигур в современном внешнеполитическом пространстве – Президента США Д. Трампа, канцлера ФРГ А. Меркель и председателя Еврокомисии У. фон дер Ляйен, что позволило получить максимально объективные данные для лингвистического исследования.

После обработки медиафайлов и записи транскриптов указанных речей (транскрипты записывались при прослушивании синхронного перевода речей) языковой материал был подвергнут обработке компьютерной системой анализа текста Miratext (https://miratext.ru/), анализировался оригинал текста и русский перевод. В таблице 2 представлены фрагменты оригиналов текстов выступлений и их варианты перевода (см. Табл. 2).

Таблица 2 – Фрагменты текстов и варианты перевода речей Д. Трампа, А. Меркель и У. фон дер Ляйен на

Давосском форуме 2020 года/ Text excerpts and translations of speeches by D. Trump, A. Merkel, and W. von der Leyen at the 2020 Davos Forum

Оригинал фрагмента выступления	**Перевод фрагмента выступления на русский язык**
Речь Д. Трампа	
"..... Few years ago I told you that we had begun a great American comeback. Today I am proud to say that the United States is in the midst of an economic boom the likes of which the world has never seen before. We have "restored our gait," we have opened up and awakened the mighty machine of American entrepreneurship. <...>. "America is thriving and yes, America is winning again like never before...." [3]	".....Несколько лет назад я сказал вам, что мы начали великое американское возвращение. Сегодня я с гордостью заявляю, что США находятся в разгаре экономического бума, подобного которому мир никогда раньше не видел. Мы "восстановили нашу походку", мы открылись и пробудили могущественную машину американского предпринимательства. <...> "Америка процветает и да, Америка снова побеждает, как никогда раньше...."
".... The middle class, millions of hardworking ordinary citizens felt left out, betrayed, forgotten and quickly lost faith in the system before I became president <...> I have never been more confident in America's future. I knew we were on the cusp of a profound economic renaissance <...>. We could fully harness American energy, for prosperity to rumble at record speed...." [3]	"....Средний класс, миллионы трудолюбивых простых граждан чувствовали себя обделёнными, их предали, забыли и они быстро теряли веру в систему до того, как я стал президентом.... Я никогда не был более уверен в будущем Америки. Я знал, что мы стоим на пороге глубокого экономического возрождения <...> Мы могли полностью задействовать американскую энергию, для того, чтобы процветание гремело с рекордной скоростью...."
Речь А. Меркель	

"... Es gibt weniger Menschen, die unter extremer Armut leiden, obwohl die Weltbevölkerung stark angestiegen ist und mit Krankheiten zu kämpfen hat <...>. All dies wäre dank der nationalen Bemühungen niemals möglich gewesen <...>. Die Probleme haben sich in den letzten zehn Jahren verändert und weiterentwickelt. Vor allem Umweltprobleme sind aufgetreten, daher ist das Thema Nachhaltigkeit, der Zusammenhalt der Welt, natürlich von größter Bedeutung und daher ist das Motto des Forums sicherlich diskussionswürdig. <...> Das Weltwirtschaftsforum hat eine große Rolle im Bereich des Klimaschutzes gespielt..." [4]	"... Людей, страдающих от крайней нищеты стало меньше, хотя население мира резко увеличилось и борется с болезнями <...> Всё это никогда не было бы возможным, благодаря национальным усилиям <...>. Проблемы изменились и продвинулись вперед за последние десять лет. В основном появились экологические проблемы, следовательно, тема устойчивости, согласованности мира, конечно имеет величайшее значение и поэтому девиз форума, безусловно, стоит обсудить. <...> Всемирный экономический форум сыграл огромную роль в области защиты климата..."
Речь У. фон дер Ляйен	
".... For 50 years you have gathered the brightest people here at Davos. In this day and age and for 50 years, your thinking has always been ahead of the times. You have always wanted to bring people from all walks of life together..." ".... Davos is gaining momentum. <...>. Humanity has been taking resources from the environment and producing waste and pollution in return..... I believe, as do you, that we can "reconcile our economy with our planet." We can combine human development with protecting our homes, but we can only do it together <...>." "... Davos is a place where leaders who would otherwise not even	"....За 50 лет вы собрали здесь, в Давосе, самых ярких людей. В наше время и на протяжении 50 лет ваше мышление всегда опережало время. Вы всегда хотели объединить людей из разных слоев общества..." "....Давос набирает обороты. <...>. Человечество забирало ресурсы у окружающей среды и взамен производило отходы и загрязнения..... Я верю, как и вы, что мы можем "примирить нашу экономику с нашей планетой". Мы можем совместить человеческое развитие с защитой наших домов, но мы можем сделать это только вместе <...>."

want to talk to each other engage in debate. Davos is a place where conflict is averted, business is started, arguments are over. Davos is a place where public business and civil society join forces. Davos is a call to action for politicians and leaders..." [5]	"... Давос – это место, где лидеры, которые, в противном случае, даже разговаривать друг с другом не желают, участвуют в дебатах. Давос – это место, где предотвращены конфликты, бизнес начат, споры закончены. Давос – это место, где государственный бизнес и гражданское общество объединяют силы. Давос – это призыв к действию для политиков и руководителей..."

Речевой портрет Д. Трампа. Полный семантический анализ фрагмента оригинала речи (английский язык) показал: количество анализируемых символов с пробелами – 780; количество слов – 130; количество повторений, ключевых слов («тошнота» текста) – 2,8 (при норме до 7); «водность» текста – 0%. Облако частотности сформировали такие слова как: *american* (2,31%); *America* (2,31%); *economic* (1,54%). Анализируемый перевод фрагмента на русский язык показал аналогичные результаты, но с небольшой долей различий: количество анализируемых символов с пробелами – 833; количество слов – 111; количество повторений, ключевых слов («тошнота» текста) – 2,6 (при норме до 7); «водность» текста – 0%. Облако частотности сформировали такие слова как: *никогда* (2,7%); *экономического* (1,8%); *Америка* (1,8%). Как видим из полученных результатов, основной смысл при переводе оригинала фрагмента выступления сохранён. В выступлении Д. Трампа преобладают следующие характеристики: образность - «Мы "восстановили нашу походку", мы открылись и пробудили могущественную машину американского предпринимательства» («*We have "restored our gait," we have opened up and awakened the mighty machine of American entrepreneurship*»)»[3]. Тем самым Д. Трамп старается обратить внимание аудитории на соответствующий образ Америки – страны, которая возрождается вновь и вновь. Следующей немаловажной

характеристикой является оценочность – «....Средний класс, миллионы трудолюбивых простых граждан чувствовали себя обделёнными, их предали, забыли и они быстро теряли веру в систему до того, как я стал президентом....» («*.... The middle class, millions of hardworking ordinary citizens felt left out, betrayed, forgotten and quickly lost faith in the system before I became president....*») [3]. В данном фрагменте Д. Трамп обращает внимание на политическое, экономическое и социальное состояние американского общества до избрания его президентом США. Ещё одной интересной характеристикой является призывность, граничащая с гордостью за свою страну: «Америка процветает и да, Америка снова побеждает, как никогда раньше....» («*America is thriving and yes, America is winning again like never before....*») [3]. Здесь акцентируется внимание на демонстрации всему миру, что Америка – страна, стремящаяся к экономическому и политическому благополучию и несмотря ни на какие сложности: «побеждает» и сохраняет лидерские позиции. В качестве итогового резюме к речевому портрету Д. Трампа можно отнести способность политика методами эмоционально-речевого убеждения транслировать обществу важность интересов своей страны, её имиджа и политического позиционирования в мире в целом.

Речевой портрет А. Меркель. Полный семантический анализ фрагмента оригинала речи (немецкий язык) показал: количество анализируемых символов с пробелами – 605; количество слов – 81; количество повторений, ключевых слов («тошнота» текста) – 2,6 (при норме до 7); «водность» текста – 0%. Облако частотности сформировали такие слова как: *das* (3,7%); *daher* (2,47%); *aufgetreten* (1,23%). Анализируемый перевод фрагмента на русский язык показал следующие результаты: количество анализируемых символов с пробелами – 532; количество слов – 66; количество повторений, ключевых слов («тошнота» текста) – 2,6 (при норме до 7); «водность» текста – 23%. Облако частотности сформировали такие слова как: *проблемы* (3,03%); *мир* (3,03%); *форум* (3,03%); *человек* (1,52%); *экологический* (1,52%). На основе полученных аналитических материалов можно сделать вывод о том, что переведённый фрагмент выступления А. Меркель содержит определённую

долю слов, которые не имеют смысловой нагрузки (и, в), так называемые «стоп-слова». Обращая внимание на речевые характеристики выступления А. Меркель, можно выделить: общедоступность – речь проста и понятна, обозначены основные проблемы и приоритеты: «В основном появились экологические проблемы, следовательно, тема устойчивости, согласованности мира, конечно, имеет величайшее значение и поэтому девиз форума, безусловно, стоит обсудить» («*Vor allem Umweltprobleme sind aufgetreten, daher ist das Thema Nachhaltigkeit, der Zusammenhalt der Welt, natürlich von größter Bedeutung und daher ist das Motto des Forums sicherlich diskussionswürdig*. .....») [4]. Оценочность также присутствует в фрагменте речи А. Меркель: «Всемирный экономический форум сыграл огромную роль в области защиты климата...» («*Das Weltwirtschaftsforum hat eine große Rolle im Bereich des Klimaschutzes gespielt*...»)[4].

Резюмируя фрагменты выступлений А. Меркель, можно с уверенностью сказать, что политик акцентирует внимание общественности на проблемах безработицы, миграции, экологии, медицины, устойчивого сотрудничества. Лидер даёт положительную оценку деятельности Всемирного экономического форума, обозначает его роль в соблюдении мира и стабильности в обществе.

Речевой портрет У. фон дер Ляйен. Полный семантический анализ фрагмента оригинала речи (английский язык) показал: количество анализируемых символов с пробелами – 873; количество слов – 148; количество повторений, ключевых слов («тошнота» текста) – 2,6 (при норме до 7); «водность» текста – 0%. Облако частотности сформировали такие слова как: *Davos* (4,05%); *place* (2,03%); *people* (1,35%); *leaders* (1,35%); *business* (1,35%). Анализируемый перевод фрагмента на русский язык показал следующие результаты: количество анализируемых символов с пробелами – 873; количество слов – 127; количество повторений, ключевых слов («тошнота» текста) – 2,6 (при норме до 7); «водность» текста – 8%. Облако частотности сформировали такие слова как: Давос (3,94%); место (2.36%); форум (3,03%); людей (1,57%); бизнес (1,57%). Как видим из полученных результатов, смысл переведённого фрагмента выступления Урсулы фон дер Ляйен передан довольно точно, однако

присутствуют некоторые расхождения между версиями: в русском переводе появляется показатель «водности» текста – 8 %. Отсюда следует, что во фрагменте русской версии отражены слова, которые не имеют смысловой нагрузки (и, это, в, наш, с, где) («стоп-слова).

Что касается речевых характеристик фрагментов выступления У. фон дер Ляйен, то можно отметить, что в речи политика присутствуют оценочность и эмоциональность: «....За 50 лет вы собрали здесь, в Давосе, самых ярких людей….. Вы всегда хотели объединить людей из разных слоев общества...» (*For 50 years you have gathered the brightest people here at Davos….. You have always wanted to bring people from all walks of life together*...») [5]. Политик также обращает внимание социума на многогранную роль Всемирного экономического форума. Обозначает его основное предназначение в жизни не только Европы, но и всего мира. «Давос – это место, где государственный бизнес и гражданское общество объединяют силы. Давос – это призыв к действию для политиков и руководителей...» («*Davos is a place where public business and civil society join forces. Davos is a call to action for politicians and leaders...*») [5].

Резюмируя речевой портрет У. фон дер Ляйен можно отметить, что политик акцентирует внимание общественности на таких составляющих общественного миропорядка как сплочённость людей, решение проблем экологии, мирное сосуществование бизнеса и гражданского общества.

Заключение

Итоги проведенного анализа подтверждают, что политика играет очень важную роль в жизни современного социума, являясь движущей силой многих процессов: политических, экономических, социальных и др. От того, как политический лидер или влиятельный управленец будет профессионально и рационально использовать современные речевые технологии, зависит решение многих проблем общества.

В целом анализируя фрагменты выступлений политических лидеров, просматривая медиафайлы, можно отметить, что политики постоянно прибегают к манипулятивным технологиям, эмоционально-красочно стараются передать

глубину сложившейся политической, социальной и экономической обстановки не только в своей стране, но и на политической карте мира в целом. Однако многие политики являются яркими языковыми личностями, соответственно, можно ввести понятие «политической неординарности».

Политическая неординарность – это набор ключевых характеристик личности политического деятеля, которые придают его имиджу политическую «остроту», языковую уникальность и влияют на его политическое мировосприятие в целом. Именно благодаря политической неординарности лидеров формируется речевая база для исследований политического и экономического дискурса, в том числе дискурса экономических форумов, особенно актуальная в настоящее время.

Литература

1. Асташова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2013. 23 с.
2.Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980. 61 с.
3. Видеозапись выступления президента США Дональда Трампа. Прямая трансляция Давос-2020. [Электронный ресурс] URL: https://youtu.be/h2O3Z3IAkUc (дата обращения 08.01.2021 г.)
4. Видеозапись выступления канцлера ФРГ Ангелы Меркель. Прямая трансляция Давос-2020. [Электронный ресурс] URL: https://youtu.be/etief6ee2dY (дата обращения 11.01.2021 г.)
5. Видеозапись выступления председателя Еврокомисии Урсулы фон дер Ляйен. Прямая трансляция Давос-2020. [Электронный ресурс] URL: https://youtu.be/sXDNR4NDPW0 (дата обращения 15.01.2021 г.)
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2003. 261 с.
7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Крысин Л.П. Русское слово, свое и

чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 510 – 525.
8. Михалева О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Построение гражданского общества: Материалы международно- 71 го гуманитарного конгресса. Ч. 3: Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания. Иркутск, 2002. С. 96 – 105.
9. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М., 1991. С. 73–75.
10. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII– XIX вв. М.: Наука, 1990. 453 с.
11. Рогова К. А. Языковая личность [Электронный ресурс] // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Сибирский федеральный университет / Под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 794 – 795. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=24550227 (дата обращения 08.01.2021)

УДК 81

Хомутская Наталья Ивановна
Natalia Khomutskaya

Особенности креолизованного текста

Peculiarities of creolized text

Аннотация. В данной статье дается определение понятию «креолизованный текст», раскрываются основные черты креолизованного текста, определяется его место среди других разновидностей текста, раскрываются основные положения теории и практики использования креолизованных текстов в современном мире в условиях глобализации.

Abstract. The present article gives a definition of a creolized text and specifies its features. The author considers the role and place of creolized text among other types of texts, revealing theoretical bases and practical application of its use in the modern globalized world.

Ключевые слова: креолизация, вербальная и невербальная часть, прецедентный характер, национальные особенности, жанр

Keywords: creolization, verbal and non-verbal part, precedent character, national peculiarities, text genre

В связи с процессом всеобщей глобализации, охватывающим многие сферы деятельности современного общества, изменяются и ключевые направления развития в лингвистике в целом и в лингвистике текста в частности. Отсюда следует, что общество развивается в неразрывной связи с виртуальным миром, который представляет собой информацию с лингвовизуальными текстами, где важным моментом является соотношение словесного (вербального) и визуального (невербального) компонентов. Сопоставление знаков из разных семиотических систем привело к появлению научного термина "креолизованный текст". Креолизованный (поликодовый) текст - это комплекс визуальной информации, аудиовизуального ряда, иллюстрированных материалов, паралингвистических письменных средств. Это особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата [Анисимова 2003, 18]. Ю. А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов предложили следующее определение понятию «креолизованные тексты» – это тексты, состоящие из двух негомогенных частей: вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащий к другим знаковым системам) [Сорокин, Тарасов 1990: 180-186]. Считаем уместным представить небольшую историческую справку. «Он происходит из «креольских языков», сформировавшихся на основе пиджинов и ставших родными для определенного коллектива их носителей» (Ярцева 1990, 135). Для детального изучения данного понятия следует вначале рассмотреть термин «креолизация». Первоначальное значение этого термина означало процесс образования новых этнических групп путем смешения нескольких контактирующих между собой этносов. Стоит отметить, что креолами называли детей от смешанных браков

португальских и испанских переселенцев, а также жителей Северной и Южной Америки. Процесс взаимодействия нескольких этносов, проживающих на одной территории безусловно ведет к взаимодействию их языков, чем и обусловлено появление такого лингвистического понятия как креолизация, то есть процесса формирования нового языка в результате смешения нескольких языков, следующий за пиджинацией. Следовательно, креолизованными (креольскими) текстами называют языки, возникшие в результате взаимодействия нескольких языков [Ярцева 2002: 709].

Похожую информацию мы находим и в немецком научном источнике «Metzler Lexikon Sprache» «Im Prozess der Kreolisierung erweitert sich die strukturelle, funktionale und stilistische Breite von Pidginsprachen; auf diese Weise wird die kreolisierte Sprache bezüglich ihrer formalen und funktionalen Komplexität anderer Sprachen vergleichbar» (H. Glück 2000, 386). Итак, креолизованный текст – это вербально-визуальный феномен, отражающий этнокультурный, лексический, семиотический и аксиологический уровни содержания текста. Поскольку центральной обозначенной проблемой в современных научных исследованиях является визуальная семантика, а именно выделение неких единиц изображения и анализ их взаимодействия с вербальной системой, то среди невербальных (в других терминах изобразительных, иконических) элементов рассматривают иллюстрации, такие как рисунки, фотографии, карикатуры, схемы, таблицы, символические изображения, формулы и т. п. Именно аудиовизуальный ряд, иллюстрирование, паралингвистические письменные средства приобретают статус текстообразования, что способствует разработке и применению учебных материалов, базирующихся на креолизованных текстах, имеющих особую значимость в условиях процесса межкультурной коммуникации.

Специфика креолизованных текстов на данный момент изучена в недостаточно полной мере, виды и функции визуальных элементов в их структуре пока еще не получили развернутого научного описания, не разработана и общепринятая методика исследования таких текстов. Требуют теоретического осмысления современные разновидности визуальных элементов

в креолизованных текстах и способах их использования. Перечисленные факты свидетельствуют об актуальности данной статьи.

Следует отметить существенные различия между вербальной и невербальной составляющей креолизованного текста. Известный французский учёный Р. Барт выделяет денотативные и коннотативные значения с точки зрения семиотики невералной составляющей (Барт 2013: 349]). Она состоит из двух разновидностей означаемых. Первые из них – означающие, означаемыми которых являются различные предметы. Вторыми принято выделять означающие, означаемыми которых служат образы и идеи. Проиллюстрируем реализацию данных составляющих на примере понятия «время». С одной стороны, это основное понятие физики и философии, одна из координат пространства-времени, вдоль которой протянуты мировые линии физических тел, а также сознание, а с другой - может являться символом быстротечности и мимолетности человеческой жизни. Так информация из первого определения является денотативной, то есть буквальной, понимание которой не вызывает трудностей у адресата. Информация второго типа – коннотативного типа, основывается на ассоциациях, следовательно, подразумевает наличие у адресата знания культуры, национальных особенностей, социальных связей. Таким образом, информацию, принадлежащую данному типу можно отнести к многовариативной при толковании. Оба компонента креолизованного текста никогда не представляют собой некую «сумму семиотических знаков», их значение интегрируется и «образует сложный семиотический смысл» [Алексеев 1999: 8-10].

Касательно структуры креолизованного текста, следует подчеркнуть, что современные учёные различают тексты с частичной креолизацией и тексты с полной креолизацией. Характерной чертой текстов с частичной креолизацией является то, что вербальные и иллюстрированные компоненты вступают в автосемантические отношения. Вербальная часть является независимой и автономной, а изобразительные элементы текста оказываются факультативными. Взаимодействие этих двух компонентов можно найти не только в научно-популярных и в

художественных текстах. Оно находит часто отражение в газетных и журнальных изданиях.

Говоря о текстах с полной креолизацией нельзя не отметить тот факт, что в них между вербальным и иконическими компонентами устанавливается совершенно иной характер взаимоотношений — семантические. Это означает, что в таких текстах вербальный текст находится в полной зависимости от изобразительного ряда, а сама иллюстрация является обязательным компонентом [Баева 2015: 34]. Примером могут служить этикетки на упаковках сгущенного молока разных марок, изображения на которых выступают неотъемлемым компонентами, привлекающими внимание человека. К креолизованным текстам с полной креолизацией можно отнести следующие разновидности: научные тексты, комиксы, карикатуры, рекламные объявления, плакаты. Отдельно стоит выделить фильм как особый вид креолизованного текста, так как в нём сочетаются словесный, невербальный и звуковой элементы [Березин 2017: 74].

Примером, отражающим особенности креолизованного текста, могут служить различные объявления. Объявления зачастую содержат небольшой объем внешней информации. Особое внимание при их составлении уделяется привлечению внимания адресата на одно ключевое слово, которое как правило выделяется шрифтом, цветом. Например, главным словом в объявлении может являться слово **«РЕМОНТ»,** выделенное жирным шрифтом и написанное заглавными буквами.

Отличным примером такой разновидности креолизованного текста как плакат может служить известный в советские времена плакат «Родина – Мать зовёт!», выполнявший агитационную и пропагандистскую функцию. Следует отметить, что грамотно подобранные компоненты текста позволили данному плакату, успешно выполнить свои функции – множество советских призывников стремились попасть на фронт.

Особенно актуальными сейчас становятся плакаты, призывающие людей бороться с коронавирусом – вирусом, который охватил весь мир. Данные плакаты призывают людей соблюдать все меры предосторожности, чтобы не заболеть самим данной болезнью и не стать её переносчиком.

Каждый креолизованный текст обладает компонентами с прецедентной разнообразной структурой: автопрецеденты, социумно-прецедентные феномены, национально-прецедентные феномены. Прецедентность – это процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, литературы, фольклора. Основанием данного феномена служат общие фоновые знания адресата и адресанта, например, социальные, культурные, языковые. Данное понятие достаточно распространено в культурно-языковом пространстве. Здесь его можно понимать, как феномен первичного образца, представляемого для оценки и сопоставления, в целях его последующего использования как опорного образца для создания какого-либо вторичного явления по образцу и подобию первого.

Итак, являясь средством массовой коммуникации, креолизованные тексты помогают отразить особенности культуры не только различных социальных групп, но и разных народов, что крайне важно в условиях глобализации.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Восприятие креолизованного текста иноязычным реципиентом (к постановке проблемы) // Проблемы прикладной лингвистики. Матер. семинара. Ч.1./ Ю.Г. Алексеев. - Пенза, 1999. - С.8-10.
2. Баева, Г.В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе: на материале немецкой пресс-рекламы: автореферат дисс к.ф.н. / Г.В. Баева. – Тамбов: Академия, 2015. – 34 с.
3. Барт Р. Критика и истина / пер. Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Р. Барт - М.: МГУ, 1987. – С. 349 - 387.
4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография/ Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов – М., 1990. – С. 180-186.

5. Ярцева, В.Н. Языкознание. Большая рос. энцикл – 2-е изд., доп./ В.Н. Ярцева. – М.: 2002. – 709 с.
6. Metzler –Lexikon- Sprache hrsg. von Helmut Glück. - Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000. – 817.

СПИСОК АВТОРОВ

Беляева Татьяна Рафаэловна – соискатель, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: t.r.belyaeva@gmail.com
Телефон: +7-985-969-92-92

Варова Вера Витальевна – ассистент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики; Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.
E-mail: varova2013@yandex.ru
Телефон: +7-925-134-71-64

Егорова Ольга Арсеновна – кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, член Национального Общества Прикладной Лингвистики (НОПриЛ).
E-mail: egorovaolga29@mail.ru,
Телефон: +7-968-866-38-57

Ерыкина Мария Андреевна – кандидат педагогических наук; старший преподаватель кафедры французского языка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com
Телефон: +7-495-772-95-90

Сидорова Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ, профессор кафедры лингвистики и перевода РГСУ.
E-mail: natuzz@rambler.ru
Телефон: +79104123272

Кузьменкова Юлия Борисовна – д. культурологии, проф Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: kuzmen11@yandex.ru

Телефон: +7-495-772-95-90

Курочкина Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения МАИ, доцент кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

E-mail: el_kurochkina@mail.ru

Лыкова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Тюменского государственного университета.

E-mail: nlykova@utmn.ru

Телефон: +7-922-269-13-32

Михайловская Мария Валерьевна – старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, член Союза переводчиков России

E-mail: m_mikhaylovskaya@mail.ru

Телефон: +7-916-588-84-55

Орлянская Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: tatorly@yandex.ru

Телефон: 8-919-763-62-28

Хомутская Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германо-романских языков и методики их преподавания факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет».

E-mail: khomutskaya.n@mail.ru

Телефон: +7-985-721-83-88

Чепорухина Мария Георгиевна – аспирант 3 года Тюменского государственного университета, ассистент кафедры французской филологии Тюменского государственного университета.
E-mail: m.g.cheporukhina@utmn.ru
Телефон: 8-912-921-10-32

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN,** входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Требования к оформлению статьи

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

В начале статьи предоставляются следующие сведения: фамилия, имя и отчество (полностью) автора (авторов), название статьи, ее аннотация объемом 40–50 слов, ниже отдельной строкой – ключевые слова. Сведения должны быть предоставлены на русском и английском языках.

Андреев Сергей Петрович
Sergey Andreev

Язык представителей хип-хоп культуры: от социолекта к дискурсу

The language of hip-hop culture: from sociolect to discourse

Аннотация. Хип-хоп культура, как и рэп лирика, до недавнего времени находилась на периферии научного знания, как явление «маргинальное», «антисоциальное» и «массовое». Дискурсивный подход, предполагающий рассмотрение текстов в связи друг с другом, а также с явлениями окружающей действительности и социальной реальностью, позволяет сделать анализ комплексным и выявить внутренние закономерности языка отдельной социальной общности.

Abstract. The linguistic features of various subcultures used to be on the periphery of science until recently as something, considered to be "marginal", "antisocial", "popular". As the result of communicative approach and anthropological turn in linguistics this situation has recently changed. In our research we make an attempt to define special features of the language of hip-hop culture taking into consideration the category of discourse.

Ключевые слова: хип-хоп культур, социолингвистика, дискурс, сленг, социолект, текст, рэп.

Key words: hip-hop culture, sociolinguistics, discourse, slang, sociolect, lyrics, rap.

Для подготовки статьи должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word и шрифт Times New Roman. Документ должен быть сохранен в формате *.rtf

Поля: по 2 см со всех сторон.

Объем статьи 5 – 8 страниц формата А4, ориентация – книжная. Шрифт – обычный, размер шрифта – 14 пт, междустрочный интервал - 1,5.

Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

– т. е. перефокусирование, которое мы рассматриваем как разновидность дефокусирования [Ирисханова, 2010].

Смена функции номинации с непрямой на прямую в тексте применительно к одному референту свидетельствует в пользу того, что такое наименование при повторном использовании способствует конвенционализации или закреплению [Кубрякова, Ирисханова, 2012: 184] его трансформированной структуры. Так, Р. Лэнекер отмечает, что «можно говорить о развертывающейся шкале конвенционализации когнитивного явления. Каждое использование некоторой структуры оказывает положительный эффект на степень конвенционализации, в то время как продолжительные периоды не-использования - отрицательный. Посредством повторного использования окказиональная структура (novel structure) постепенно конвенционализируется...» [Langacker, 1987: 59].

В конце статьи должны быть размещены сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение, вуз, электронный адрес и контактные телефоны.

Иванов Алексей Павлович - кандидат филологических наук, доцент института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: alexei_ivanov@yandex.ru,

Телефон: +7-906-754-41-22

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.

Научно-исследовательский журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 01.03.21. Формат 60x90/16
Заказ № 23. Тираж 1000 экз.
Типография Академии акварели и изящных искусств
art-tipografia.ru
117133, Москва, ул. Академика Варги, 15
Тел.: (495) 531-55-55
academy.andriaka.ru